
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
ЗАПАСНОЙ КЛЮЧ ДЛЯ СВОИХ
Тайны «Речных Ключей». Книга вторая
Когда в дом входят без спроса,
тайны начинаются с мелочей.

Роман Штерн

Запасной ключ для своих

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Запасной ключ для своих / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Открывая дачный сезон, Аркадий Лунёв обнаруживает в доме свежий хлеб, новую лампочку и аккуратно починенную шкатулку покойной жены. Ничего не пропало. Только входить он никому не разрешал, а шкатулку прямо просил не трогать. У соседей тоже находят следы незваной помощи. Нина Волкова требует вернуть её запасные ключи и заказывает новый замок — но до прихода мастера погибает у лестницы. Вместе с Семёном и Верой Аркадий помогает следствию восстановить историю соседских услуг. Ведь ключ даёт возможность открыть дверь, но не всегда — право войти.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Крышка закрывается 6
Глава 2. Общие ключи, частные двери 13
Глава 3. Нина собирается уехать 20
Глава 4. Не её петля 29
Глава 5. До завтра 37
Глава 6. Свет в прихожей 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Запасной ключ для своих

От автора

Мне хочется поблагодарить именно Вас — человека, который сейчас читает эти строки. Спасибо за время, которое Вы готовы уделить книге. Я искренне рад этой встрече.

Глава 1. Крышка закрывается

Аркадий придержал дверь коленом и попытался поставить сумку так, чтобы стекло не стукнулось о ступеньку. В автобусе он всю дорогу держал свёрток между ног; теперь, в трёх шагах от кухонного стола, угол картона разошёлся и зацепился за дверную ручку.

— Только этого не хватало.

Он снял петлю верёвки с ручки, протиснулся в прихожую и локтем нажал выключатель.

Лампа загорелась.

Аркадий замер, всё ещё держа сумку на весу. Потом осторожно поставил её на сухой край половика и посмотрел вверх.

Матовый плафон был тот же, с маленькой тёмной точкой от мухи внутри. Свет — другой: белый, ровный, без прежней задержки. В боковом кармане сумки лежала новая лампочка. Он купил её вчера вместе с иглами и катушкой серых ниток, а стекло для рассадного ящика забрал утром, по дороге на двести восемнадцатый.

Мог ведь заменить в прошлый приезд и не вычеркнуть из списка.

Аркадий ещё раз щёлкнул выключателем. Лампа послушно погасла и загорелась. Изменение положения выключателя ничего не прояснило.

Он вынул стекло и поставил ребром к стене, проложив снизу свёрнутую газету. С сапог натекло столько, что половик сразу потемнел. На дорожке от ворот ещё держалась ледяная корка, но перед участком №47 вода уже шла поверх мёрзлой земли, унося к канаве прошлогодние яблоневые листья. Последние двадцать метров пришлось пройти по краю грядки, где Елена никогда не позволяла ходить в сезон.

Сезон пока не начался. Собственно, за этим он и приехал — понять, с чего его начинать.

На кухне Аркадий освободил стол от сумки, поставил рядом пятилитровую бутыль воды и достал сложенный вчетверо лист. В списке значились лампа, стекло, форточка теплицы, три рассадных ящика, проверка постели и обогревателя. Ниже, после свободной строки, он написал вчера: «Что нужно, чтобы жить до осени».

Не решение. Перечень работ, после которого можно будет принять решение.

Весна наступила раньше, чем он успел подготовить себе ясный ответ. Виктор Николаевич ещё в конце марта прислал короткое сообщение: «Как у вас с планами?» Аркадий ответил, что сначала приедет и посмотрит дом. Покупатель поставил значок поднятого большого пальца, смысл которого мог быть любым — от согласия до окончания терпения.

Аркадий убрал лист под сахарницу и заметил хлеб.

Половина круглого ржаного лежала на разделочной доске, завёрнутая в тонкий прозрачный пакет. Края пакета были подогнуты вниз, срез обращён к стене. Он сам заворачивал хлеб в бумагу, а пакет оставлял свободным, не запечатывая корку во влажном воздухе.

Хлеб не успел зачерстветь. Это чувствовалось даже через плёнку.

Аркадий не стал разворачивать его. Посмотрел на плиту, на полку с чашками, на дверь кирпичной пристройки. Всё стояло на местах. Табурет был задвинут под стол, как он оставил его две недели назад. На подоконнике лежала дощечка, которой он подпирал форточку.

Сама форточка была закрыта на оба завертка.

В последний приезд он оставил узкую щель с подветренной стороны. Дощечку вставил специально, чтобы от порыва ветра створка не распахнулась; перед отъездом даже вернулся с дорожки проверить. Тогда шёл мокрый снег, и в тетради он отметил, что после следующей сырой недели нужно посмотреть угол за шкафом.

Лампочку можно было забыть. Хлеб и дощечку — уже труднее.

Он прошёл в комнату. Одеяло лежало под старым покрывалом, книги — в том же порядке, в каком он в феврале вытер с них пыль. Ящики комода были закрыты. Аркадий не

выдвигал их один за другим: пока он не видел причины считать, что кто-то искал деньги или документы.

В доме пахло прохладным деревом и хлебом. Запах, который ещё минуту назад показался бы хорошим.

Он вернулся к сумке, вынул коробочку с лампой, иглы и нитки. В городской квартире у зимней куртки разошёлся карман. Аркадий решил зашить его здесь: в шкатулке Елены хранились подходящие ножницы, а дома он всякий раз вспоминал о кармане уже на улице, когда ключи проваливались под подкладку.

Шкатулка стояла на низкой полке у окна. Тёмная, с вытертым рисунком на крышке, она давно перестала быть красивой вещью, но оставалась удобной. Внутри помещались катушки, плоская коробка булавок, напёрсток и несколько пуговиц, назначение которых знал когда-то кто-то один.

Аркадий положил ладонь на крышку и привычно потянул её чуть вправо.

Крышка открылась без усилия.

Он не сразу убрал руку. Потом опустил крышку.

Она закрылась ровно, с негромким деревянным стуком.

Больше двух лет левый угол цеплялся за край. Чтобы открыть шкатулку, требовалось слегка приподнять его и только потом откинуть крышку. Аркадий делал это почти не замечая, как обходят выступающую половицу. Сейчас возле старой светлой царапины виднелся чистый участок дерева. Крепление больше не шевелилось.

Работа была аккуратная.

От этого ему стало хуже.

Осенью, когда у него за столом обсуждали, что в доме надо поправить до морозов, кто-то взял шкатулку и предложил заняться ею заодно. Аркадий тогда убрал её обратно на полку и сказал, что пока трогать не надо. Он сам решит. Он помнил не дословно весь разговор, но собственное движение помнил: забрал вещь из чужих рук, не грубо, однако вполне определённо.

Теперь крышка закрывалась.

Внутри лежали ножницы с узкими лезвиями, моток штопки, карточка с намотанной голубой ниткой. Ничего особенного. Никаких ценностей, которые полагалось хранить под замком.

Елена однажды попросила его посмотреть, почему заедает ящик швейного стола. Он снял ящик, подтянул направляющую и заодно рассортировал всё, что в нём лежало. Она рассердилась так, будто он испортил мебель.

«Я просила ящик выдвинуть. Не устраивать переселение пуговиц».

Он тогда ещё объяснял, что теперь удобнее. Она молча вынула из его новой системы маленькую застёжку, которую он положил к крючкам, и вернула к обрезку ткани: застёжка принадлежала вещи, которую Елена собиралась доделать.

Аркадий стоял над открытой шкатулкой, держа в пальцах пакетик игл.

Потом положил его отдельно.

Телефон он достал не сразу. Сначала открыл свою тетрадь. Последний приезд — двадцать третьего марта. «Лампа в прихожей. Взять обычную, не длинную». Ниже — «Окно оставлено на щели». Записи о работах в доме не было.

Он просмотрел переписку с Мариной, затем сообщения Веры и несколько последних разговоров в чате. Никакого заказа. Никому не писал, что нужно починить шкатулку, принести хлеб или зайти перед его приездом. О том, что он собирается шестого апреля, знали Марина, Вера и Галина: та спрашивала, сможет ли он забрать у ворот распечатки для рабочей группы. Распечатки в итоге остались в городе.

Аркадий сфотографировал хлеб, закрытую форточку, дощечку на подоконнике. Снял шкатулку сначала целиком, потом открытой. Пришлось подвинуться, чтобы не заслонять свет плечом.

Он не знал, пригодятся ли фотографии. Но ему уже не хотелось через неделю спорить, насколько ровно прежде стояла крышка.

Марина ответила быстро.

— Доехал?

— Да. Я писал от ворот.

— Видела. Как дорога от остановки?

— Проходимая. Только в ботинках пока не надо.

— Я и не собиралась. Пап, что случилось?

Он посмотрел на хлеб.

— Ты никого не просила зайти ко мне?

— Куда?

— На дачу. Лампу поменять, окно закрыть. Починить кое-что.

— Нет. А кто заходил?

— Пока не знаю.

— Замок целый?

— Снаружи ничего не заметил. Открылся как обычно.

— Нужно менять. Я могу сейчас найти мастера, пусть приедет сегодня, а ты пока…

Она остановилась. Аркадий слышал на её стороне далёкий разговор и щелчок закрывшейся двери.

— Подожди. Тебе нужна помощь?

— Сначала хочу узнать, кто был.

— Хорошо. Что-нибудь пропало?

— Не обнаружил. Появился хлеб.

— Хлеб?

— И свет. И исправная крышка у маминой шкатулки.

Марина помолчала.

— Ты же говорил, чтобы её не трогали.

— Говорил.

— Миша тоже никого не просил. Он бы мне сказал. Сейчас уточню у него, но это точно не наша организация.

— Уточни.

— Ты там один?

— Пока да. Вера Андреевна должна зайти с бумагами.

— Ночевать останешься?

Аркадий посмотрел в сторону комнаты. С самого утра он собирался остаться на две ночи, проверить, не выстывает ли пристройка, и разобраться с теплицей. Теперь простой ответ потребовал усилия.

— Сегодня здесь. В город во вторник, дневным рейсом. Если изменю, напишу.

— Напиши, когда разберёшься с дверью. Не обязательно сначала во всём разобраться, потом сообщить мне.

— Я потому и звоню сейчас.

— Да, — сказала Марина. — Я заметила.

Они поговорили ещё о воде и обогревателе. Марина не стала спрашивать про покупателя. Аркадий был ей за это благодарен, хотя вслух сказал только, что привёз достаточно воды и вечером не собирается никуда уходить.

После звонка он запер дверь изнутри. Задвижка пошла туго, пришлось чуть приподнять полотно. Это привычное сопротивление неожиданно успокоило.

Он снял куртку, переобулся и включил обогреватель, проверив, не касается ли провод ножки стула. Налил воды в эмалированный чайник. Хлеб на доске мешал; Аркадий перенёс его вместе с доской на другой конец стола, но есть не стал.

Вера постучала в стекло через двадцать минут.

Он увидел её яркий плащ, открыл и отступил, освобождая проход. Она держала папку под полой и пакет с возвращаемой книгой.

— У вас перед калиткой уже озеро. Я прошла у забора, если это не будущая клумба.

— Пока это единственный сухой путь.

— Тогда оставим ему такую специальность.

Вера вытерла сапоги, сняла плащ и сразу посмотрела на стол.

— Что-то произошло?

Аркадий показал лампочку в заводской коробке, потом хлеб.

Она выслушала, не снимая очков. У шкатулки остановилась, но руки к ней не протянула.

— Давно вы заметили?

— Сейчас. По приезду.

— Марина могла попросить?

— Уже спросил. Не могла.

Он рассказал про форточку и запись от двадцать третьего марта. Вера кивнула, положила принесённую папку на свободный табурет.

— А вы кому-нибудь говорили, что сегодня приезжаете?

— Вам. Марине. Галине Львовне.

— Я никому не передавала. Галина могла сказать просто в разговоре, без всякой цели.

Аркадий опять поднял крышку. Она открылась слишком легко; он тут же опустил её, сердясь уже на собственную настойчивость.

— Это Ленина вещь. Я просил оставить.

— Помню, вы говорили, что сами разберётесь с ней.

— Я не хотел, чтобы в ней что-нибудь меняли.

Вера сняла очки.

— А если бы она была ваша?

Он посмотрел на неё.

— В каком смысле?

— Если бы вы купили её вчера в магазине. Без памяти, без истории. Вы могли бы сказать, что не хотите ремонта?

— Конечно.

— Тогда и здесь могли.

Чайник начал шуметь. Аркадий снял его раньше, чем зазвенела крышка, и поставил на подставку.

— Сейчас скажут, что я из-за шкатулки устроил дело.

— Пока вы ничего не устроили.

— А когда спрошу?

— Тогда спросят, что вы потеряли.

— Ничего.

— Можно так и ответить. Вы хотите знать, кто входил. Это другой вопрос.

Аркадий достал две чашки. Одну протянул Вере; она сама взяла с полки чай и положила пакетик. Печенье у него было привезённое, в ещё не распечатанной пачке. Он разорвал край и поставил пачку между ними.

— Вы не считаете, что я преувеличиваю?

Вера не ответила сразу. Опустила пакетик в чашку, придерживая нитку.

— Я бы обрадовалась исправной лампе. И всё равно хотела бы знать, кто входил. Одно другому не мешает.

За окном капало с крыши. На подоконнике лежала дощечка, сухая с одной стороны и потемневшая с другой. Аркадий взял её, повертел и положил обратно.

— Кто имел ключи, помните? — спросила Вера.

— От моего дома?

— Да.

Он начал отвечать и остановился.

У Марины была копия. Свою он носил в город. Одну Елена оставляла соседям, когда они уезжали надолго. Но это было не одно и то же разрешение и не один и тот же ключ.

— Семёну Ильичу давали, когда крышу после ветра смотрели. Он, кажется, вернул. Борису Андреевичу — для работы в пристройке. Ещё Елена просила присматривать за рассадой, но там часто ключ просто оставляли на условленном месте.

— Я тогда заходила, — сказала Вера. — Брала ключ у вас в сарае и туда же возвращала. Своей копии у меня нет.

— Я не проверяю вас.

— Я понимаю. Просто вы спросили, что мы помним.

Аркадий сел.

Он мог восстановить расписание двадцатилетней давности по двум пометкам и фамилии дежурного. А теперь не был уверен, сколько ключей от собственного дома существовало на свете. Одни передавались на неделю, другие — до окончания работы. Кто-то говорил: «Пусть у меня будет, мало ли что». Аркадий и сам так говорил людям, когда речь шла о запасном инструменте, розетке, лестнице.

— Исчерпывающего списка не получится, — признал он.

— Пока.

— Может, и потом не получится.

Вера не стала возражать.

Папка, которую она принесла, оказалась с копиями описей. На верхнем листе красным было отмечено, к каким расходам ещё не нашли приложения. Январское убийство раскрыли, но работа с бумагами не закончилась вместе с ним. Часть ответов аудитору приходила быстро, часть возвращалась с новыми вопросами. Аркадий обещал свести сроки и теперь не хотел превращать это обещание в удобный повод не заниматься своим домом.

Он подвинул папку на сухой край стола.

— Завтра посмотрю.

— Я и не собиралась сегодня читать вам вслух номера коробок.

— Хорошо. А то у меня стекло в прихожей с часу дня стоит.

Телефон Веры коротко звякнул. Через секунду отозвался его собственный.

В основном чате Галина Шумская разместила сообщение:

«Приятно начать сезон с добрых новостей! Пока хозяева были в городе, на одном из участков поправили засов, который всю зиму заедал. Спасибо нашему неизвестному помощнику. Хорошо, что у нас ещё есть люди, умеющие заботиться не на словах».

Следом появился рисунок ладоней с сердцем. Затем чьё-то: «Вот именно, а мы всё журналы заводим».

Аркадий придвинул телефон.

— Уже неизвестный помощник.

— Хозяин поблагодарил? — спросила Вера.

— Из сообщения не следует.

Он начал набирать: «Прежде чем благодарить за всех, следует выяснить, кто и на каком основании входит в чужие дома…»

Вера прочла первую строку, не наклоняясь ближе.

— Аркадий Сергеевич, про всех вы тоже пока не знаете.

Палец завис над экраном.

— Там же прямо…

— Там про засов. У вас — про дом. Тот хозяин мог быть согласен.

Он удалил начало. Напечатал заново:

«Сегодня, 6 апреля, обнаружил в своём доме на участке №47 выполненные работы и оставленный хлеб. Работ не заказывал, вход в моё отсутствие этой весной ни с кем не согласовывал. Прошу того, кто заходил, сообщить мне лично: когда и по какой договорённости».

Прочёл, убрал слово «этой» и вернул его: без него получалось, будто он никогда никого не пускал.

Фотографию шкатулки прикладывать не стал.

Сообщение ушло. Почти сразу под ним возник ответ: «Так ведь ничего плохого не сделали?»

Аркадий положил телефон экраном вниз.

— Сейчас отвечать будете? — спросила Вера.

— Нет. Я задал вопрос. Подожду ответа на него.

Она допила чай и встала.

— У меня дома книги лежат на полу. Хотела полку протереть и выяснила, что это работа на весь день.

— Могу зайти помочь переставить.

— Сегодня не надо. Я сначала решу, что вообще возвращать на полку.

— Хорошо.

Она надела плащ. У двери Аркадий протянул ей зонт, но Вера показала на капюшон и вышла, осторожно выбирая место для каждого шага. Он дождался, пока она минует лужу, и закрыл за ней.

Орловой он написал отдельно. Попросил завтра показать порядок выдачи ключей от общих помещений и объяснить, не хранились ли когда-нибудь вместе с ними частные. Не требовал принести все связки и никого не назначал ответственным за свою забывчивую домашнюю историю.

Ответ пришёл через несколько минут: «Буду в правлении с десяти. Покажу, что относится к вопросу. Частные ключи у нас на хранение не принимались».

Потом Аркадий открыл переписку с Беловой.

Некоторое время смотрел на последнюю январскую запись. Ему не хотелось писать следователю из-за исправленной крышки. Ещё меньше хотелось потом объяснять, почему промолчал о чужом входе, убедив себя, что без пропажи это никого не касается.

Он кратко изложил обнаруженное: замок внешне цел, кражи не заметил, работы не согласовывал, старые копии могли остаться у знакомых. Добавил, что сделал фотографии и пока выясняет, кто заходил. Никаких слов об угрозе или преступнике — их у него не было оснований употреблять.

Сообщение было доставлено. Ответа он не ждал немедленно.

Марина прислала: «Миша подтвердил: никого не просил. Если нужен мастер, скажи». Аркадий ответил, что сначала поговорит с теми, кому раньше давали ключи, а на ночь закроется изнутри.

После этого он наконец занялся стеклом.

Картон размок снизу, хотя само стекло осталось сухим. Аркадий разрезал верёвку, отнёс упаковку к порогу и обернул ладони рабочими перчатками. В теплице после январской уборки было просторнее. Три сохранённых ящика стояли на полке; один, с крупной надписью «Перцы, не перепутать», он выдвинул ближе к двери.

Новая крышка села не сразу. В пазу застряла засохшая земля. Аркадий вычистил её щепкой, попробовал снова и на этот раз оставил стекло лежать свободно, не прижимая.

Под поликарбонатом было заметно теплее, чем во дворе. Вода с крыши барабанила по перевёрнутому ведру. Он переставил ведро, и стало тихо настолько, что послышались голоса с соседней улицы.

До осени здесь предстояло многое сделать. Некоторые работы он умел выполнять сам, для других понадобились бы люди и деньги. Пока он не знал, чего ему больше хочется — взяться за это или уехать, оставив будущему хозяину список неисправностей.

В доме Аркадий убрал привезённые иглы и нитки в шкатулку. Ножницы положил сверху, чтобы не искать их вечером. Крышка закрылась без усилия. Он вернул шкатулку на полку.

Телефон подал сигнал.

Сообщение пришло от женщины с нижней улицы, чьё имя Аркадий помнил, а номер участка пришлось бы уточнять.

«Прочла про хлеб. У нас тоже продукты появились. Муж говорит, наверное, я просила кого-то завезти, но я не просила. Можно завтра вам позвонить? Только пока не пишите в общий чат».

Аркадий ответил, что можно, и спросил, когда она обнаружила продукты.

Пока ответа не было.

Он перечеркнул в хозяйственном списке лампу, рядом поставил вопросительный знак и вписал на завтра: «10:00 — правление».

У двух домов теперь обнаружилось сходство. Было ли оно только в продуктах или ещё и в человеке, который их принёс, предстояло выяснить. Аркадий прикрыл тетрадь и взял со стола куртку с разорванным карманом. До темноты оставалось время зашить его самому.

Глава 2. Общие ключи, частные двери

Антон сдавал ключ от насосной, когда Аркадий вошёл в правление. На резиновом коврике стояла его сумка; из бокового кармана торчали свёрнутые перчатки. Сам он держал ключ двумя пальцами над журналом и ждал, пока Орлова закончит говорить по телефону.

— Нет, платёжное поручение у нас есть. Приложения к акту нет… Я понимаю, что у вас тоже весна. У аудитора она почему-то наступила с тем же вопросом.

Лидия Матвеевна положила телефон экраном вниз.

— Назначение доступа?

— Осмотр ввода и шкафа перед пуском. Без включения. Вода под полом, до оборудования не дошла. Фотографии отправил.

Орлова проверила запись на соседней странице.

— Время возврата ставьте своё. Я только принимаю.

Антон расписался, передал ключ и отодвинул журнал так, чтобы на него не капало с рукава.

На доске объявлений Галина Шумская прижимала локтем лист с графиком вывоза мусора и пыталась приколоть под ним сообщение о рассаднике. Кнопка согнулась.

— Здесь фанера кончилась, — сказала она.

— Там стойка, — отозвался Антон. — Правее возьмите.

— Правее у нас взносы.

— Левее.

— Левее пожарная безопасность.

— Тогда ниже.

Галина посмотрела вниз, где висело расписание автобуса, и вздохнула так, будто недостаток места на стене был последней из нерешённых проблем товарищества.

Аркадий снял кепку. В правлении пахло сырым картоном и нагретой краской. У окна сушились два сложенных зонта; под столом стояли коробки, уже снабжённые номерами и наклейками внешнего аудитора. На прежнем председательском месте сидела Орлова. Её избрали в феврале, на собрании, которое успели созвать в установленный январём срок. Аркадий тогда помогал сверять уведомления, но от предложения внести его фамилию в бюллетень отказался ещё до начала регистрации.

За прошедшие недели Лидия Матвеевна не переставила ни одного шкафа. Зато у каждой коробки теперь был срок передачи, а у писем — отдельная папка с ответами и ещё более толстая с тем, на что не ответили.

— Вы к десяти, — сказала она Аркадию. — Хорошо. Только сразу договоримся: всю историю ключей с восемьдесят второго года я вам сегодня не восстановлю.

— Мне порядок выдачи. И записи по нынешним общим комплектам.

— Это можно.

Она повернула журнал.

Аркадий не стал садиться на председательский стул, стоявший свободным у края стола. Подтянул табурет и открыл тетрадь.

В журнале были номер ключа, объект, получатель, основание, время выдачи и возврата. Несколько строк перечёркнули одной чертой, с подписью рядом; на полях не оставалось прежних загадочных «у наших» и «до завтра». Аркадий нашёл сегодняшнюю выдачу Антону, затем предыдущую — для осмотра общей теплицы. Рядом стояла ссылка на письменное задание.

— По временному порядку работаем, — пояснил Антон, заметив его взгляд. — Что осматриваю, что могу включать, кому сообщаю. Если по дороге ещё что-нибудь просят, отдель-

ной строкой. А то выходишь заменить лампу у ворот, возвращаешься ответственным за весь нижний сектор.

— Теплицу уже можно использовать?

— Пока нет. Приёмку не закончили. Рассаду можно обсуждать, заносить ещё рано.

Галина перестала мучить кнопку.

— Тогда «готовим рассадник» оставить, а «приносите ящики» убрать?

— Убрать.

Она вытащила ручку и вычеркнула строку. Аркадию понравилось, что никто не стал спорить о двух словах ради сохранения уже напечатанного листа.

Орлова достала из шкафа ведомость сверки. Номера комплектов в ней совпадали с журналом; запасные ключи лежали в подписанных конвертах. Конверт от насосной она показала, не вскрывая.

— Частные сюда не принимали. Я и в январской передаче посмотрела, и у Фомича спросила. В будке иногда оставляют связку для родственника, но это не наш фонд ключей. Теперь прошу такие передачи хотя бы не класть в общий ящик.

— А раньше?

— Раньше могло быть что угодно. За прежние двадцать лет я не распишусь. Но ключ от вашего дома из этого шкафа никому не выдавали.

Аркадий провёл пальцем по краю страницы, не касаясь записей.

— Значит, по общим комплектам выдача и возврат сходятся.

— По проверенным — да.

— У меня в доме лампу заменили. Могли попросить в порядке аварийного доступа?

Антон покачал головой.

— Сгоревшая лампа — не авария. И ключ от насосной к вашему замку не подходит. Даже если на бирке написать «срочно».

— Я не про форму ключа.

— Я тоже. Если из пустого дома дым, вызываем службы и хозяина, делаем то, что нужно для безопасности. Это не разрешение потом заходить проверить, не перегорело ли у него что-нибудь ещё.

Он убрал перчатки в сумку и застегнул карман. Орлова забрала журнал, но ведомость оставила перед Аркадием.

Январский порядок не объяснял, кто починил шкатулку. Зато переставал быть удобным обвиняемым. На минуту Аркадий даже пожалел об этом: пропущенную строку было бы проще обнаружить, чем выяснять, что каждый из знакомых считал разрешённым много лет назад.

— Вот ещё, — сказала Галина.

Она положила планшет на свободный угол стола. На экране был набран заголовок: «Неизвестный помощник: уже четыре адреса».

— Почему четыре?

— Пока четыре. Если считать чашку отдельно, пять.

— Отдельно от чего?

— От стула.

Антон присел на корточки, поправляя ремень сумки. Орлова отложила ручку.

Галина повернула планшет к Аркадию.

— Про засов хозяин сам написал. Приехал вчера, сарай закрывается, а осенью не закрывался. Благодарен, просит отозваться. Ваш дом — второй. Потом продукты. Потом у Нины Павловны родственница заметила чашку, которой раньше не видела.

— Родственница вам сказала?

— Мне переслали.

— Кто?

Галина назвала соседку. Аркадий её знал: та умела передавать чужую речь с такими подробностями, что говорившему самому оставалось только удивляться.

— Значит, не хозяйка и не родственница. И пока мы знаем, что вам переслали сообщение.

— Чашка от этого не испарилась.

— Но могла оказаться её собственной.

— Она же написала: чужая.

— Кто написал?

Галина взяла планшет обратно.

— Сейчас найду исходное.

Утром ему уже позвонила женщина с нижней улицы. Она сообщила, что нашла пакет с крупой и две банки тушёнки в кухонном шкафу. Муж видел их накануне, но решил, что она попросила кого-то завезти. Сама она после зимы приезжала впервые. Когда пакет появился, ни один из супругов не знал. Имя Аркадий записал на отдельном листе и в правлении не назвал.

— У вас про продукты от кого? — спросил он.

Оказалось — от другого владельца. Тот видел фотографию, присланную братом, и собирался приехать только к выходным.

— Уже два случая, — оживилась Галина.

— Возможно. Но мой собеседник просил не обсуждать его дом публично.

— Я же без фамилий.

— По номеру участка здесь узнают быстрее.

Галина убрала палец с экрана.

Со стулом было ещё труднее. В сообщении утверждалось, что в доме Нины Волковой стул перенесли от окна к столу. Кто помнил прежнее положение и когда в последний раз его видел, из переписки не следовало. Галина попыталась дозвониться Нине, но та ответила коротким сообщением: «Позже».

— Так и напишем: уточняется, — предложила Галина.

— Пока лучше вообще не писать, — сказала Орлова.

— Люди волнуются. Если не будет нормального объяснения, сами придумают.

— А «неизвестный помощник» — уже объяснение?

Галина посмотрела на заголовок.

— Это название.

— Название тоже что-то утверждает.

Из коридора донёсся стук: два негромких удара по открытой двери. На пороге стоял Борис Лаптев с плоским деревянным ящиком в руке.

— Лидия Матвеевна, я на полчаса позже. У поворота доску у водостока подняло, пришлось обойти. Шкаф свободен?

— Сейчас освобожу. Спасибо, что пришли.

Борису было шестьдесят семь, но возраст Аркадий вспомнил только потому, что они когда-то спорили о сроках оформления пенсии. Перед ним стоял всё тот же суховатый мужчина с тяжёлыми кистями рук и привычкой сначала осмотреть вещь, а уже потом отвечать. На нём была коричневая куртка, застёгнутая не до конца; в нагрудном кармане лежал обломок столярного карандаша.

Он поставил ящик на подоконник и несколько раз открыл дверцу высокого шкафа. На третьем движении она заела.

— Нижняя полка держит?

— Там папки, — сказала Орлова. — Снимать?

— Одну стопку. Можно я на стул переложу? Не по порядку, целиком.

Орлова кивнула. Борис обеими руками перенёс стопку, подложив под неё картонку. Потом опустился на принесённую из коридора низкую скамейку.

— Не замок, — сказал он. — Корпус повело, а защёлку всё это время притягивали сильнее.

— Вот видите, — обрадовалась Галина. — Я говорила, не надо дёргать.

— Дёргать тоже не надо. Но от того, что не дёргаешь, шкаф ровнее не станет.

Антон усмехнулся, попрощался и ушёл на следующий осмотр.

Борис вынул отвёртку. Работал он без громкого вздыхания и без привычных объяснений, как дорого за такое взяли бы в городе. Сначала проверил крепление шкафа к стене, затем ослабил два винта. Подложил под боковину тонкую пластинку, принесённую с собой, и снова закрыл дверцу. Та прошла свободно, но Борис остался недоволен: несколько раз нажал на угол, что-то поправил и лишь после этого вернул папки.

— Попробуйте сами.

Орлова открыла шкаф одной рукой.

— Теперь хорошо. Что за материал, сколько записать?

— Обрезок. Нисколько. За работу мы с вами договорились.

Она достала подготовленный лист. Борис расписался, не делая вид, что деньги оскорбляют их соседство.

Аркадий помнил, как лет восемь назад Лаптев чинил у них дверь кирпичной пристройки. Елена хотела менять её целиком, а Борис нашёл причину в просевшем креплении и оставил старую. Дверь служила до сих пор. Он тогда взял условленную плату и отказался от добавки: за новую дверь, сказал, не рассчитывались.

— Вы из мастерской инструмент забрали? — спросил Аркадий, кивнув на ящик.

— Который мой — забрал. Этот ещё до неё был.

— Два года уже?

— В марте два исполнилось.

Борис смахнул со скамейки стружку в ладонь, потом высыпал в приготовленный бумажный пакет.

— Поначалу думал, отосплюсь. Столько лет к восьми ездил. А вышло — в семь всё равно встаёшь, только ехать некуда. Сидишь, слушаешь, как холодильник включается.

— Теперь здесь работы хватает.

— Если по делу зовут, хватает.

Он сложил отвёртки параллельно, ручками в одну сторону.

Аркадий дождался, пока закроется ящик.

— Борис Андреевич, я вам вчера в чате вопрос оставлял. В мой дом этой весной заходили? После двадцать третьего марта?

Борис поднял голову.

— Нет. Не заходил.

— Лампу не меняли?

— Нет. А что, меня назначили?

— Я спрашиваю тех, у кого раньше был доступ.

— Раньше был. Когда дверь делал, когда водосток просили посмотреть. Вы сами оставляли.

— Помню. Поэтому и спрашиваю.

— Не был я у вас, Аркадий Сергеевич.

В комнате ненадолго стало тихо. Галина смотрела в планшет, но не листала. Аркадий записал ответ рядом с датой. Ему хотелось уточнить, где теперь давняя копия, однако при всех это уже прозвучало бы не как продолжение хозяйственного разговора, а как требование вывернуть карманы. Он решил поговорить отдельно.

— Если найдёте мой старый ключ, верните, пожалуйста.

— Посмотрю.

Борис взял ящик с подоконника, но не ушёл. Галина подвинула к нему экран.

— Тут ведь не все недовольны. За засов благодарят. Я хотела общую благодарность дать, без выяснения, кто делал. Может, человек не хочет известности.

— Мой участок уберите, — сказал Аркадий.

— Я знаю. Вы уже говорили.

— И за других не благодарите, если они не просили.

Борис положил ладонь на ручку ящика.

— У нас как: когда месяц просили и сделали, забыли. А если не просили и сделали — разговор на весь посёлок.

— Я написал, что хочу знать, кто был у меня дома.

— Понятно. Просто годы просьб в одно сообщение не помещаются.

В коридоре зашаркали подошвы. Семён Круглов вошёл, держа фуражку так, чтобы с козырька не капало на пол. За ним появилась Вера с папкой под мышкой.

— Что, уже помощника ищете? — спросил Семён. — Фомич сказал, у вас тут про ключи.

— Смотрели журнал, — ответила Орлова. — С журналом всё в порядке.

— С ним всегда всё в порядке. Пока зимой у кого-нибудь раму не выдавит. Кто пойдёт? Журнал?

— Человек, которому хозяин разрешил, — сказал Аркадий.

— А хозяин в городе. Телефон не берёт. Снег с крыши сойдёт, стекло продавит. Я что, должен на крыльце стоять?

— Если стекло сейчас продавит, это одна история. У меня другая.

— Так я не про тебя одного.

Вера сняла плащ и повесила его на свободный крючок у двери.

— А про кого, Семён Ильич?

— Про всех. Осенью мне говорят: присмотри. Я присматриваю. В апреле что, заново знакомиться?

— А если вы при этом решили переставить человеку вещи?

— Зачем мне чужие вещи?

— Стул мешал пройти. Переставили?

— Переставил бы.

— Потом увидели, что полка неудобно висит.

Семён нахмурился.

— Вера Андреевна, вы меня знаете. Я по чужим шкафам не шарю.

— Знаю. Но сейчас мы обсуждаем не вас, а слово «присмотри». Каждый добавляет к нему своё.

Орлова приняла у Веры папку, сверила по описи количество листов. Пока они занимались передачей, Семён обратился к Борису:

— Ты людям всю зиму делаешь. Скажи.

Борис пожал плечами.

— Теперь проще: не хочешь — зови человека из объявления. Он тебе привинтит, деньги возьмёт и уедет. А что там за стенка и почему весной ведёт — это уже не его забота.

— Бывают и хорошие мастера, — сказала Орлова.

— Бывают. Пока найдёшь, три раза переделаешь.

— У меня замок приглашённый мастер ставил. Не переделывала.

— Посмотрим, как он две зимы отстоит.

Вера подняла глаза от описи. Аркадий тоже заметил это «посмотрим»: дверца шкафа только что стала работать хорошо, и он был готов уважать мнение Бориса о перекосе. Почему из этого следовало, что чужой замок непременно окажется хуже, понять было трудно.

— Если всё же входили без разрешения, — заговорила Галина, — может, запасные ключи собрать здесь? Подпишем, опечатаем. Будет один порядок, не придётся вспоминать.

— Нет, — сказала Орлова.

— Я не обязательно про все сто сорок три участка.

— Хоть про три. Кто будет отвечать за выдачу? На каком основании я решу, пускать ли соседа в чужую кухню?

— По просьбе владельца.

— Тогда пусть владелец и передаёт ключ тому, кого просит. Не будем превращать этот шкаф в камеру хранения частных разрешений.

Галина посмотрела на недавно починенную дверцу, словно та могла предложить более вместительный вариант.

В этот момент в правление вошла Нина Волкова. В одной руке она держала прозрачный файл с квитанцией, в другой — старый мужской зонт с толстой деревянной ручкой. Зонт она оставила снаружи под навесом, а файл вытерла платком.

— Лидия Матвеевна, я за справкой. И сразу скажу: прошлогодний платёж у вас найден, не начинайте заново.

— Найден, Нина Павловна. Садитесь.

— Если сяду, вы мне поручите что-нибудь переписывать.

Нина всё-таки села, отодвинув табурет так, чтобы не мешать проходу. Аркадий знал её давно, преимущественно по разговорам на собраниях. Она редко выступала первой, зато умела остановить человека, начавшего объяснять ей её же нужды. Из мастерской одежды, где Нина прежде работала, у неё сохранилась манера принимать вещь обеими руками и сразу смотреть на изнанку.

Борис кивнул ей:

— Я здесь закончил. Могу к тебе заодно зайти. Посмотреть, что ещё надо.

— Сегодня не надо.

— Всё равно в ту сторону.

— А мне всё равно не надо.

Нина улыбнулась, но Борис не улыбнулся в ответ.

— Я ненадолго.

— Боря, я услышала. Нет.

Семён прислонил палку к столу.

— Она с утра носится. Устала, вот и сердится.

— Семён, я пока не сержусь. Но если ты продолжишь объяснять за меня, вполне могу.

Галина тихо подвинула планшет к себе. Орлова искала справку в стопке, не вмешиваясь.

— У меня свои дела, — добавила Нина уже спокойнее. — Не хочу сегодня мебель от стен двигать и показывать, что где скрипит.

— Потом сама же позовёшь, когда совсем перестанет закрываться, — сказал Борис.

— Тогда и решу, кого позвать.

Он поправил ворот куртки.

— Ладно. Лидия Матвеевна, шкаф если опять заденет, не тяните защёлку. Позвоните.

— Позвоню. Спасибо.

Борис вышел, придержал за собой дверь. Сквозняк всё равно приподнял листы на столе. Вера прижала их папкой.

Нина посмотрела на Аркадия.

— А вас, Аркадий Сергеевич, я как раз попрошу. Завтра сможете вместе с Семёном ящик перенести? Из кухни в комнату. Сама я его по частям три дня буду носить.

— Во сколько?

— Часов в одиннадцать. Если вам удобно.

Он прикинул свои дела. Форточку теплицы можно было оставить на послеобеденное время.

— Смогу.

— И я смогу, — сказал Семён. — Только зачем было Бориса отсылать? Он бы сейчас помог.

— Потому что ящик ещё не готов. И я попросила вас на завтра. Мне сегодня нужно совсем другое.

Орлова нашла справку и передала ей вместе с квитанцией. Нина проверила фамилию, сумму и убрала бумаги в файл.

Аркадий оглянулся на доску. Галина уже сняла заголовок про неизвестного помощника. Вместо него на планшете появилось: «Просьба к владельцам уточнить обстоятельства посещений домов».

— Слишком длинно, — сказала она.

— Зато пока не назначили ни добродетеля, ни взломщика, — ответила Вера.

— Я никого взломщиком не называла.

— Знаю.

Орлова подвинула к себе журнал ключей и закрыла его.

— Давайте так. Общие ключи учитываем, как учитывали. Если кто-то обращается по своему дому, записываю только с его согласия. Фотографии комнат и номера пустующих участков на доску не вывешиваем. А кто кому оставлял копии, сами владельцы выясняют со своими людьми. Я могу дать телефон мастера, принять обращение. Отозвать за вас старое разрешение не могу.

— Это в чат надо, — сказала Галина.

— Это можно. Только без списка адресов.

Галина набирала медленно, то и дело возвращаясь к началу. Ей явно не нравилось, что сообщение не содержало ни благодарности, ни предупреждения, которое хотелось бы немедленно переслать. Аркадий не стал стоять у неё над плечом. Он переписал номер сегодняшнего осмотра насосной, указал, что ознакомился с порядком выдачи, и закрыл свою тетрадь.

От правления он получил ровно то, за чем пришёл: подтверждение границ общего учёта. Дома по-прежнему горела чужая лампа. Борис отрицал посещение. Других ответов пока не было.

Нина поднялась и поправила воротник.

— Вот и хорошо, что сами. Я у себя все ключи соберу до отъезда.

Семён взял палку не сразу.

— Все — это какие?

— Которые людям давала. У тебя тоже.

— Мой-то зачем?

— Затем, что я хочу их вернуть.

За дверью ударили о ступеньки капли с навеса. Нина ждала, не торопя его.

Семён наконец поднял фуражку со стола.

— Я тебе, значит, теперь тоже чужой?

Глава 3. Нина собирается уехать

Семён ждал у калитки сорок седьмого участка с двумя парами брезентовых рукавиц.

— Одни тебе, — сказал он. — У неё ящик с железными уголками.

Аркадий показал свои перчатки.

— Есть.

— Эти тонкие.

— Для ящика достаточно.

Семён всё равно сунул лишнюю пару в карман. Со вчерашнего дня он, по-видимому, решил больше не обсуждать ключи, а заниматься тем, что не вызывало сомнений: тяжестью вещей, состоянием дороги и чужой неподготовленностью.

Аркадий запер дом. Взял с крыльца короткую доску, которую собирался убрать в сарай, и положил поперёк лужи у калитки.

— Обратно пойдёшь — провалится, — заметил Семён.

— Тогда переставлю.

Они свернули к западной улице. С этой стороны снег лежал только под заборами и в тени сараев, зато колеи наполнились бурой водой. На повороте пришлось пропустить женщину с тележкой: она везла два мешка земли, и каждый из мешков норовил отправиться по своей дороге.

— Давайте сзади придержу, — предложил Аркадий.

— До сухого места. Дальше сама.

Он помог вытащить колёса из колеи и отпустил ручку. Семён уже ушёл вперёд, выбирая путь вдоль забора.

До Нининого дома было минут шесть. По летней тропинке выходило короче, но сейчас между участками стояла вода. Семён всё же остановился возле прохода.

— Тут настил есть.

— Под водой?

— Да там по щиколотку.

Из открытой калитки шестьдесят четвёртого участка выглянула Нина.

— Семён, не ходи там. Потом с подошв полведра на мой ящик стряхнёшь.

— Я ещё ничего не стряхиваю.

— Вот и продолжай. Идите по дорожке, я песку подсыпала.

На Нине была мужская клетчатая рубашка поверх футболки, рукава закатаны неровно. В одной руке она держала ножницы, в другой — кусок бельевой верёвки. За её спиной у крыльца сушились две полосатые дорожки. Дом стоял чуть в стороне от улицы, прикрытый кустами сирени; на окне были бумажные этикетки с названиями рассады, хотя самих ящиков Аркадий не увидел.

— Вы вовремя, — сказала Нина. — Я только верёвку приготовила. Может, удобнее будет подхватить.

Семён посмотрел на ножницы.

— Я бы так перерезал.

— А я ножницами. У каждого свои недостатки.

Она пропустила их вперёд.

В прихожей было прохладно. Аркадий снял кепку и задержался на нижней ступеньке, пока Семён разувался. Кухня находилась выше, на три ступени; широкий дверной проём слева вёл в комнату. Чтобы перенести ящик, предстояло спустить его с кухни, развернуть в прихожей и завести в комнату коротким торцом.

Нина показала место у стены, освобождённое от стула.

— Сюда. До окна не надо: там я хочу сама сидеть.

— А к печке? — предложил Семён.

— У печки он мне будет мешать.

— Зато ход свободный.

— Семён, место я выбрала. Как донести — решайте.

Ящик оказался старым, дощатым, с потемневшими жестяными уголками и двумя врезанными ручками. Когда-то его покрасили серым, но краска сохранилась только под крышкой и вдоль щелей. На боку проступали остатки надписи, сделанной через трафарет.

Аркадий взялся за ручку, приподнял край.

— Что внутри?

— Ткани. Крепкие, но тяжёлые. Всё, что могла вынуть без разбора, я вынула.

— Можно ещё вынуть, — сказал Семён.

— Можно. Тогда мы вместо переноса будем до вечера решать, что из этого кому пригодится. Я потому и позвала двоих.

Они попробовали поднять ящик. Вес распределялся неровно. Аркадий поставил свой край обратно.

— Внутри что-то съехало.

Нина открыла крышку, переложила плотный свёрток из угла в середину и закрыла снова.

— Теперь?

— Лучше. Давайте боком к ступеням. Вы снизу, Семён Ильич, я сверху. Если тяжело — ставим, не удерживаем на весу.

— Я мебель носил, когда ты ещё…

— Знаю. Поэтому и говорю.

На второй ступеньке угол ящика приблизился к стене. Нина, стоявшая в комнате, прижала к обоям сложенное полотенце.

— Чуть ко мне. Не вверх, ко мне.

Семён потянул сильнее, чем требовалось.

— Стоп, — сказал Аркадий.

Они остановились. Несколько секунд слышно было только, как на кухне тикают часы.

— Теперь ваш край вправо. На ладонь.

Ящик повернулся и встал на пол прихожей. Семён выпрямился, шумно выдохнул.

— Вот эту лестницу давно надо переделать.

— Тогда кухня окажется в прихожей или прихожая на улице, — сказала Нина. — Я пока не выбрала.

В комнату ящик внесли уже без спора. Под ножки Нина подложила кусочки войлока и проверила, открывается ли крышка.

— Всё. Спасибо. Рукавицы можете снимать, дальше работа чистая.

— Ты не говорила, что дальше, — заметил Семён.

— А дальше я предложу вам воды. Можете отказаться.

Аркадий снял перчатки. На ладони остался отпечаток ручки. Ящик был тяжёлый, но работа заняла меньше времени, чем обсуждение лестницы.

Нина принесла с кухни три стакана и бутылку. Потом опустилась на табурет возле ящика и подняла крышку.

— Хочу до поездки решить, что оставить. А то я всё собиралась когда-нибудь разобрать. Когда-нибудь уже весь угол заняло.

Сверху лежал рулон синей саржи, перевязанный тесьмой. Под ним — отрезы подкладки, упаковка плечиков, коробка с крупными пуговицами и длинные деревянные линейки. Одну линейку Нина взяла за край и поморщилась: дерево повело.

— Эта всё. В печку.

— Рабочая же вещь, — сказал Семён.

— Была рабочая. Теперь по ней прямую не проведёшь.

Аркадий сел на стул у окна. В ящике пахло тканью, сухой бумагой и чем-то знакомым по старым ателье, где Елена забирала укороченные брюки и неизменно замечала уже дома, что одна штанина ей кажется длиннее.

Нина развернула кусок зелёной ткани и поднесла к свету. По сгибу шла бледная полоса.

— На сумки можно, на одежду уже нет. Вот это, Аркадий Сергеевич, вам в сарай не нужно? Плотное, инструменты заворачивать.

Он потрогал ткань.

— Небольшой кусок взял бы.

— Сколько?

— Полметра.

— Отрежу. Не будете потом хранить рулон из уважения ко мне.

Семён пил воду стоя. Ему хотелось предложить другое применение каждому предмету, и он сдерживался не всегда.

— Из этого чехол на кресло хороший.

— На кресло у меня уже есть.

— Запасной.

— У меня кресло одно, а не учебный полигон для чехлов.

На дне обнаружился короткий жакет, с одной стороны отделанный тёмной тесьмой. Нина расправила его на коленях, посмотрела и рассмеялась.

— Вот ведь сохранила.

— Что с ним? — спросил Аркадий.

— Я из двух старых решила один новый сделать. Себе. Клиентам бы такого не позволила.

Она подняла жакет за плечи. Один карман был заметно выше другого.

— Так задумано? — спросил Семён.

— Конечно. Только задумала я это после того, как отпорола третий раз.

В мастерской Нина заведовала заказами и людьми, но шить не переставала. Рассказала, как однажды приняла пальто на переделку, не заметив, что клиентка принесла две разные полы от двух одинаковых пальто. Обнаружили уже после раскроя. Клиентка потом уверяла, что именно так и хотела, а Нина неделю обходила приёмный стол стороной, чтобы не начать разговор заново.

— Всё можно было сделать, — сказала она, складывая жакет. — Только сначала надо было посмотреть, что тебе принесли, а не слушать, как человек уверенно говорит.

— Этот куда? — Аркадий указал на жакет.

— Пуговицы сниму. Остальное выброшу.

Она провела ножницами под ниткой, поймала пуговицу ладонью и положила в блюдце. Движение вышло быстрым и привычным. Потом отложила ножницы и долго рассматривала последний карман.

Аркадий думал, что она передумает.

Нина свернула жакет и бросила в мешок у двери.

— Зря только подкладку хорошую потратила.

Из следующего свёртка она достала светлый плащ. Примерила поверх рубашки, повернулась к оконному стеклу и стала поправлять ворот.

— Вот этот возьму.

— Куда? — спросил Семён, хотя ответ ему был известен.

— К Любе. Под Кострому.

— Ты же говорила — может быть.

— Я говорила: может быть, в июне, может быть, в июле. Договорились на июнь.

Нина достала телефон, нашла сообщение и показала Аркадию фотографию небольшого дома с широкой террасой. На перилах стояли горшки, за ними виднелась вода.

— Люба с мужем туда три года назад перебрались. Всё зовёт. В прошлом году я ей ответила, что после смородины. После смородины оказалось после огурцов, а потом уже темно рано.

— И что там делать? — спросил Семён.

— Пока не знаю. Поеду — выясню.

Она сняла плащ, повесила на спинку стула и разгладила рукой плечо.

— У Любы внук лодку восстановил. Обещает возить, когда погода будет. В город съездим. И ещё я хочу утром выйти из дома без ведра. Просто так.

— Можно и здесь.

— Здесь я без ведра выхожу, а возвращаюсь с сорняками в руке.

Аркадий посмотрел на даты в сообщении. До поездки оставалось почти два месяца, но Нина уже договорилась о комнате, попросила не встречать её на машине в Вересове и собиралась отправить часть вещей заранее.

Семён наклонился к экрану.

— На три недели?

— Может, на четыре.

— В самый сезон.

— Поэтому не на три дня.

— А дом?

— Закрою.

— Посадки?

— Картошку не сажаю. Помидоров будет шесть кустов, Раиса согласилась полить, если к тому времени не уедет. Не согласится — посажу позже или не посажу совсем.

— Ну и ради чего тогда дача?

Нина сняла очки, которые успела надеть для телефона.

— Ты сейчас предлагаешь её продать или меня к ней привязать? Я не успеваю за ходом мысли.

Семён поставил стакан на подоконник.

— Я предлагаю по-человечески подумать. Дорога дальняя, пересадки. Там люди со своими делами. Ты приедешь, им придётся всё бросать.

— Они меня позвали.

— В гости все зовут.

— Семён, мне шестьдесят восемь. Как-нибудь отличу приглашение от «забегайте, если будете рядом».

Она сказала это громче, чем прежде. Семён отвернулся к окну. За стеклом с ветки сирени сорвалась капля и оставила на подоконном отливе тёмный круг.

Нина несколько раз сложила и развернула рукав плаща.

— Люба мне близкий человек, — сказала она уже тише. — Я хочу её увидеть не на похоронах общей знакомой и не на два часа в кафе. Пожить рядом. Поговорить нормально.

Семён ничего не ответил.

— А с тобой мы в августе съездим в питомник. Ты хотел на яблони посмотреть.

— Ты хотела.

— Значит, я хотела. Всё равно предлагаю вместе.

— До августа дожить надо.

— Надо, — согласилась Нина. — И до июня тоже. Но вещи я сейчас разберу.

Аркадий отвёл взгляд к открытому ящику. Ему было неловко присутствовать при споре, в котором про дорогу говорили меньше всего. Он хорошо помнил Семёново вчерашнее «чужой» и не знал, что ответил бы на месте Нины.

Она сама вернула разговор к поездке.

— Аркадий Сергеевич, вы сможете потом посмотреть пересадки? Только не сейчас. Люба прислала два варианта, я не понимаю, где автобус ещё ходит, а где расписание прошлогоднее.

— Смогу. Пришлите. Лучше через город с запасом сорок минут, а если утренним поездом…

Он потянулся к карману за блокнотом.

— В шесть утра я не хочу, — сказала Нина.

— Зато к обеду будете на месте.

— Мне не нужно к обеду. Мне нужно не вставать в четыре.

— Поздним придётся ждать.

— Я подожду. Посижу, поем. Не на рельсах же.

Аркадий убрал блокнот обратно.

— Хорошо. Сравню оба. Когда действуют, где пересадка и сколько ждать.

— Вот это мне и нужно.

В прихожей хлопнула наружная дверь.

— Тётя Нина, можно? У меня сумка вся мокрая.

— Входи, Оля. Только на кухню пока не поднимайся, я там разложила.

В комнату заглянула Ольга Волкова. Аркадий видел её прежде у Нининой калитки, иногда в магазине; знал, что она племянница, но почти не разговаривал. На вид ей было под сорок — кажется, Нина называла тридцать восемь. Волосы прилипли ко лбу под снятым капюшоном. На плече висела большая сумка из тонкой ткани, потемневшая снизу от воды.

— Попала в лужу? — спросил Семён.

— Сумкой попала. Сама почти нет.

Ольга улыбнулась, но, увидев мужчин, осталась возле двери.

— Я за серым пакетом. И за обувью.

— Пакет на диване. Обувь под ним, — сказала Нина. — Только пакет не за ручки бери, я его перегрузила.

Ольга поставила сумку на газету, выложила из неё складную хозяйственную сумку покрепче и принялась перекладывать вещи. Сначала трикотаж, потом коробку с туфлями и небольшую настольную лампу.

— А лампа как у тебя оказалась? — спросил Семён у Нины.

— Олина лампа.

— Я вижу. Давно, что ли, здесь всё это?

Ольга остановилась с проводом в руке.

Аркадий наклонился и поднял упавший под стул шарф. Положил его на край дивана, не протягивая племяннице через всю комнату.

— Семён, придержи лучше сумку, — сказала Нина. — Она падает.

Он придержал.

— Я просто спросил.

— Я услышала.

Нина не стала объяснять, откуда взялась одежда, и не принялась рассказывать что-нибудь вместо Ольги. Сняла с лампы пыль сухой тряпкой и обернула плафон старой наволочкой.

— Так доедет. Наволочку можешь не возвращать.

— Я верну.

— Если вернёшь, я опять буду её хранить. Сделай одолжение.

Ольга наконец улыбнулась по-настоящему.

— Тогда отнесу в машину. Она у соседей на твёрдом стоит. И ещё раз приду.

— За комодом сегодня не берись, — сказала Нина. — Его отдельно вынесем, когда договоримся. Я из ящиков ещё не всё убрала.

— Хорошо.

Семён помог поднять сумку, но Нина остановила его у порога:

— Оля сама донесёт. Там в основном одежда.

— Можно мне хотя бы до калитки? — спросил он.

Ольга взглянула на тётю, потом на тяжёлый свёрток.

— До калитки было бы хорошо.

Они вышли. Нина проводила их взглядом и принялась собирать пуговицы с блюдца в жестяную коробочку.

Аркадий не спросил, давно ли Ольга оставила здесь вещи. Нина тоже не стала ничего добавлять. Несколько минут они занимались каждый своим: она проверяла подкладку плаща, он ровно складывал отрезанный для него кусок ткани.

Когда Ольга вернулась, Нина достала из ящика плоскую папку с бумажными выкройками. Из неё выпал листок, сложенный вчетверо.

— Вот, — сказала она. — Нашла всё-таки.

На листке были телефоны, короткие записи и несколько зачёркнутых строк. Аркадий различил слова «окно», «полить» и «ключ», но читать дальше не стал.

— Это ещё когда я к сестре ездила, — пояснила Нина. — Чтобы не перепутать, с кем о чём договорилась. Потом дописывала.

Семён вернулся в комнату и вытер ладонью лоб.

— Там пакет ещё остался.

— Оля заберёт потом. Садись, не стой над нами.

Нина взяла карандаш. На свободной стороне листка написала имя племянницы.

— Оля, свой ключ принесёшь?

— Да. Он дома, в другой куртке. Я к концу недели ещё приеду.

— Хорошо. И всё, что у тебя моё, посмотри. Не вещи — ключи. Вещи можешь пока оставить.

— Посмотрю.

Нина добавила следующую строку.

— Раисе напишу. Она брала, когда растения поливала. Семён, твой тоже принеси, пожалуйста.

— Я же сказал вчера.

— Ты вчера спросил, чужой ли ты. Про ключ мы не договорились.

Семён подвинул стакан от края подоконника.

— Дома он. На гвозде висит.

— Значит, принесёшь из дома.

— А если понадобится зайти?

— Позвонишь.

— Допустим, тебя нет.

— Тогда спросишь, нужно ли зайти, пока меня нет.

Аркадий ожидал, что Нина снова повысит голос, но она говорила буднично, не отрывая карандаша от бумаги.

— Мой можешь оставить, — сказал Семён. — Я всё-таки не чужой человек.

— Я у чужих и не собираю. У чужих моих ключей нет. Собираю у тех, кому давала.

— Чего ты добьёшься? Сама потом будешь бегать.

— Возможно. Тогда побегаю.

Ольга застегнула сумку и отошла к окну. Аркадий видел, что она хочет уйти, но не желает оставлять тётю одну в этом разговоре.

Нина вписала ещё две фамилии.

— Денису надо позвонить. У него с ремонта двери оставался. Он тогда приезжал, пока я была в городе, я сама просила. И Борису.

— Сорокину? — уточнил Аркадий.

— Да, Денису Сорокину. Он ещё на веранде дверь подгонял. Борису я раньше давала, когда здесь работали без меня. Вот это и хочу закончить: одному давала на неделю, другому до вечера, а потом всё осталось как осталось.

Она отложила карандаш и достала из кармана халата, висевшего на спинке стула, маленькую связку.

— Мой здесь. А эти пусть вернут.

На связке были два разных ключа и пластиковая бирка. Нина убрала её обратно. Листок не был похож на ведомость: рядом с фамилией Раисы сохранилась запись про дрожжи, а телефон Дениса был обведён дважды и всё равно читался с трудом.

Аркадий уже открыл рот, чтобы предложить переписать аккуратно, но Нина взяла телефон.

— Сейчас отправлю, пока не отвлеклась.

Она набирала указательным пальцем, возвращаясь к словам, в которых промахнулась по буквам.

— «Прошу до вечера одиннадцатого принести мой ключ. Если делали копии, их тоже. Входить без отдельной договорённости больше не надо». Нормально?

— Можно добавить причину, — сказал Семён.

— Какую?

— Что уезжаешь.

— Я ещё два месяца не уезжаю. А ключи хочу сейчас.

Аркадий посмотрел на текст.

— Понятно написано.

Нина отправила сообщение Раисе, потом Денису, затем Борису. Ольге показала экран.

— Тебе тоже посылаю, чтобы день не забыли.

— Хорошо.

— А мне чего посылать, я тут, — сказал Семён.

— Тебе не буду. До одиннадцатого, договорились?

Он снял фуражку с края ящика.

— Принесу. Только не сегодня.

— Хорошо.

Нина положила телефон рядом с ножницами. Никакого особенного события не произошло: за окном кто-то заводил машину, на кухне звякнула о стекло высохшая оконная ручка. Но просьба уже ушла адресатам, и Семён не мог больше сделать вид, что вчерашний разговор закончился одной обидной репликой.

Ольга наклонилась к тёте.

— Я вечером позвоню.

— Звони. И поешь сначала, а то опять будешь разговаривать из магазина.

— Я могу и из дома не поесть.

— Это у нас семейное достижение.

Нина поправила ей перекрученный ремень сумки, затем убрала руку. Ольга попрощалась и вышла. На этот раз Семён за ней не пошёл.

Он помог Нине опустить пустую картонную коробку с верхней полки, хотя та просила только подать край. Аркадий заметил, как Нина придержала коробку обеими руками, не позволяя ему унести её к мешку для мусора.

— Здесь оставь.

— Она пустая.

— Будет для отправки вещей.

Семён поставил коробку на пол.

— Ну, если больше ничего не надо, я пойду.

— Спасибо за ящик, — сказала Нина. — Одной мне было бы тяжело.

— Позвала бы Бориса, он бы и один справился.

— Я позвала вас.

Он надел фуражку, долго искал в кармане вторую пару рукавиц, нашёл её в другом и ушёл, не хлопнув дверью. Нина дождалась, пока заскрипит калитка.

— Зря я про привязать сказала.

Аркадий не сразу ответил.

— Он и без этого был недоволен.

— Знаю. Всё равно зря. Не люблю, когда меня начинают устраивать, вот и говорю лишнее.

Она подняла с пола коробку, проверила дно.

— В питомник я его правда хочу позвать. Он там с одним человеком знаком, про старые сорта обещал расспросить.

— Позовёте.

— Позову. Только не вместо Костромы.

Аркадий кивнул. Нина достала отрез ткани и протянула ему.

— Заберите, пока я опять не сложила. А расписание пришлю вечером. Вы завтра здесь?

— В город собирался. Вернусь через день.

— Тогда не торопитесь. Мне билеты не сегодня брать.

Он сложил ткань в карман куртки. В комнате оставались открытый ящик, три небольшие стопки и множество вещей, которые ещё предстояло разделить. Аркадий посмотрел на верхнюю полку: там стояла тяжёлая коробка, до которой Нине пришлось бы тянуться.

— Эту спустить?

— Нет, в ней не разбираюсь сегодня.

— Потом с табурета неудобно будет.

— Я потом и попрошу. Сейчас у меня всё на полу окажется.

— Хорошо.

Он надел куртку и застегнул карман, зашитый позавчера. Нина проводила его через прихожую, придерживая дверь, пока он обувался. Теперь, без ящика, три ступени выглядели совсем небольшими. Из кухни тянуло прохладой: Нина открыла форточку, чтобы выветрить пыль от тканей.

Аркадий поднял кепку с тумбочки.

— Больше ничего не сломалось? В прошлый раз вы про шкаф говорили.

Нина посмотрела вверх, в сторону кухни.

— Сейчас закрывается.

— Значит, исправили.

— Сейчас закрывается, — повторила она. — Это я вижу.

Он остановился у порога.

Нина убрала ножницы, которые всё ещё держала в руке, в карман рубашки.

— Я прежде хочу выяснить, почему у меня некоторые вещи начали ломаться так удобно для помощника. Сломается — и человек уже знает, что принести.

— Вы спрашивали?

— Спрашивала. Теперь хочу проверить ответы.

Она сказала это без улыбки, но тут же отступила от двери, пропуская его, и напомнила про два варианта пересадки — только два, без отправления в шесть утра.

Аркадий обещал. За его спиной дверь закрылась, и через стекло было видно, как Нина вернулась к своему ящику. Верхняя коробка осталась на полке.

Глава 4. Не её петля

— Здесь вы будете ждать три часа сорок минут, — сказал Аркадий, прижимая ладонью край распечатки. — Автобус, который прислала Люба, по будням не ходит.

Нина подвинула сахарницу на угол листа.

— А тот, который ходит?

— Уходит за двадцать минут до прибытия поезда. Даже без задержки не успеете.

— Значит, он не для меня ходит. Давайте второй.

Аркадий развернул соседний лист. В городе он проверил оба варианта, позвонил на автостанцию и теперь старался не рассказывать, сколько раз его переводили с одного номера на другой. Нина просила сравнить дорогу, а не трудности, которые он ради этого преодолел.

— Здесь пересадка сорок пять минут. Но автостанция не у вокзала, надо ехать. А здесь два часа десять минут, зато автобус от привокзальной площади.

— Этот беру.

— Вы потеряете почти полтора часа.

— Зато не буду искать, где ещё потерять чемодан.

Он посмотрел на время прибытия. Оба варианта позволяли добраться засветло.

— Хорошо. Тогда этот.

— Вы так сказали, будто разрешили составу задержаться.

— Я ничего не разрешал.

— Тем приятнее.

Нина обвела время карандашом. На полях Аркадий написал номер справочной и дату проверки — десятое апреля. До июня расписание могло измениться, и перед покупкой билета его следовало уточнить ещё раз.

— Я сама позвоню, — сказала она, прочитав приписку. — Не записывайте себе.

Он уже собрался вынуть тетрадь и оставил руку на кармане.

В доме стало просторнее после разбора ящика. Стопки ткани исчезли с пола; у стены стояла заклеенная коробка с надписью «Любе», а возле двери — пакет, из которого торчала верхняя часть старого портновского манекена. Нина заметила его взгляд.

— Не пугайтесь. Это не в Кострому.

— Я и не пугался.

— У вас лицо человека, которому сейчас предложат ещё один багажный маршрут.

На столе перед ней лежали последние мелочи из ящика. Пуговицы были ссыпаны в блюдце, мебельные шурупы — в жестяную крышку. Отдельно, на сложенной салфетке, темнела петля. Нина убрала крышку с шурупами и отодвинула от петли чайную ложку.

— Вот вы всё про источники спрашиваете. Здесь у меня с источником не сходится.

Она взяла петлю за край и повернула к свету. Две металлические створки соединялись короткой осью. У одного отверстия было неровно расплющенное место; от него к краю тянулась широкая борозда, потемневшая почти так же, как остальной металл.

Аркадий наклонился, не беря деталь.

— От вашего шкафа?

— Борис сказал, что от моего.

— А вы?

— А я думаю, что не моя.

В комнате за её спиной стоял шкаф. Сейчас обе дверцы были закрыты ровно. Позавчера, когда они с Семёном переносили ящик, Аркадий тоже не заметил перекоса.

— Почему?

— Вот это место мне знакомо. Петлю когда-то выправляли, и след остался. Только, кажется, видела я её не у себя. — Нина перевернула деталь. — По одной борозде доказывать не стану. Таких петель тысячи. У меня память тоже не склад с номерами.

— Когда вы её получили?

— В марте. Борис оставил после ремонта. Сказал: «Вот, до чего довели, хорошо, что дверца не упала». Я ещё спросила, чем я её довела. Одеждой?

Аркадий снял куртку и повесил на спинку стула.

— До этого он со шкафом работал?

— В феврале. Сказал, петлю надо посмотреть, люфтит. Я разрешила. Он повозился, сказал, теперь порядок. Потом дверца начала цеплять. Я ему написала, он пришёл ещё раз, сделал. А эту оставил мне — чтобы видела, почему нельзя тянуть до последнего.

— При вас снимал?

— Нет. Я в город ездила.

— Значит, саму работу вы не видели. Вернулись к исправному шкафу и получили от него деталь.

— Именно.

Нина положила петлю обратно. Раздражение её было знакомо Аркадию по людям, привыкшим отвечать за работу: ей предъявили вещь с неверной биркой и рассчитывали, что она не станет разбираться.

— До февральского ремонта шкаф закрывался?

— Закрывался. Борис сказал, что пока закрывается, а потом будет хуже. Я согласилась, чтобы он посмотрел. Не стану теперь говорить, будто он каждый раз тайком сюда пробирался.

— Что было с петлёй тогда, вы не знаете.

— Не знаю. Может, правда требовалось чинить. Но почему потом мне возвращают вот это и рассказывают, сколько лет оно у меня изнашивалось?

Аркадий потянул к себе чистый оборот одного из расписаний и остановился.

— Можно?

— Для записей? Возьмите. Только поезд не зачеркните, я с ним ещё не поссорилась.

Он провёл три короткие строки: первая работа, перекос дверцы, вторая работа.

— Даты сможете восстановить?

— Уже нашла по сообщениям. И старые фотографии попросила. Не только своего шкафа.

— Хотите выяснить, где петля стояла раньше?

— Да. Пока у меня есть воспоминание. Мне самой этого мало.

Она не предложила тут же открыть всю переписку. Аркадий тоже не просил: для нынешнего разговора следовало сначала понять, что именно она проверяет.

— Сообщения не стирайте.

— Не стираю. И снимки прошу прислать целиком, а не вырезать мне одну железку. Иначе потом сама не пойму, что с чем сравнивала.

— Вы уже кому-нибудь говорили о Борисе?

— Пока спрашивала о вещах.

Аркадий положил карандаш поперёк листа. Петлю могли перепутать с другой, оставшейся в сумке после прежней работы. Борис мог неверно объяснить, что именно заменил. Нина могла помнить след ремонта точнее, чем предполагала, или ошибиться. По одному предмету Аркадий не умел выбрать между этими объяснениями.

— Сначала нужно установить, откуда она, — сказал он.

— Согласна. Но у меня не только петля.

Из небольшого пакета Нина вынула узкую металлическую часть оконного запора. На одном конце виднелось вытянутое отверстие; у края сохранилась корка старой краски. Она положила её рядом с петлёй и открыла на телефоне фотографию.

На снимке стояли два горшка с рассадой. За ними виднелись оконная рама, половина занавески и механизм возле ручки.

— Это я Любе посылала. У неё всё взошло, у меня пусто. В феврале. Окно тогда нормально закрывалось.

— А это? — Он указал на снятую часть.

— Борис позже отдал. Сначала окно стало заедать. Он посмотрел, сказал: прибор изношен окончательно, искать замену трудно. Потом нашёл, поставил. А негодную часть мне вернул.

Аркадий увеличил изображение. Горшок закрывал нижний крепёж, свет из окна делал металл почти белым.

— Здесь плохо видно.

— Я рассаду фотографировала, не запор.

— И я не знаю, что должно совпадать. Отверстия, длина, крепление… Нужен человек, который такими окнами занимается.

Нина кивнула.

— Я смотрю на снимок, смотрю на эту вещь и не узнаю её. А мне говорят: тебе кажется, просто ты своё хозяйство не помнишь.

— Борис говорит?

— Он. И я какое-то время верила. Я работала с тканью, не с оконными приборами. Не обязана всё знать. Но теперь хочу проверить, могла ли эта часть вообще стоять на моём окне.

Она забрала телефон, не добиваясь от Аркадия согласия. Пролистала переписку до длинного сообщения, посмотрела на него и погасила экран.

— Веру попрошу посидеть со мной. Посмотрим даты, что он писал, что я отвечала. Потом специалисту покажу.

— Денис разве не этим занимается?

— Денис дверями. Я у него спрошу, кого пригласить. Но не стану делать из него заведующего всеми моими сомнениями.

В калитку постучали. Нина встала.

— А вот и он. Я просила зайти перед другим заказом.

Денис Сорокин вошёл, поставив у порога узкую сумку с инструментами. Из-под расстёгнутой куртки виднелся тёмный рабочий жилет; на рукаве прилипла светлая стружка. Аркадий встречал его раньше, но ни разу не разговаривал дольше нескольких минут. Денису было сорок три; он занимался дверями, и Нина прежде хвалила его за то, что после подгонки верандной створки та перестала цеплять пол.

— Здравствуйте. Я на пятнадцать минут. Посмотрю замок и скажу точно по материалу.

— Смотрите, — ответила Нина. — Только сначала цену.

— Сначала размер. Иначе цена будет для другой двери.

Она усмехнулась и проводила его в прихожую.

Аркадий остался на верхней ступени. Денис открыл дверь, проверил ход запора, несколько раз повернул ключ. Потом достал линейку и маленький фонарь.

— Сам замок работает нормально, — сказал он. — Меняем из-за ключей?

— Да.

— Тогда корпус трогать незачем. Поменяем цилиндр. Подберу по размеру, чтобы снаружи не выступал. Если при установке обнаружится ещё что-нибудь, сначала вам скажу.

— Мне нужно, чтобы старые ключи не подходили.

— После замены не подойдут.

— А если я все соберу, всё равно лучше менять?

Денис убрал фонарь.

— Решать вам. Только я не могу по возвращённым ключам определить, сколько их когда-то сделали.

— Значит, меняем.

Он назвал стоимость детали и работы по отдельности. Нина переспросила, входит ли выезд, затем достала листок с домашними расходами и вписала сумму.

— Двенадцатого утром сможете?

— В девять. Материал завтра привезут, я проверю комплект и вам позвоню. Заодно старый ключ отдам. Он у меня дома, с креплениями, которые для вашей веранды покупал.

— До вечера одиннадцатого, как я писала.

— Помню. А двенадцатого вы здесь будете?

— Буду. Новый ключ без меня никуда не оставляйте.

— Весь комплект отдам вам в руки.

Он сделал запись в телефоне, показал Нине дату, время и название работы. Она прочитала и подтвердила. До утра двенадцатого ничего в двери менять не собирались: Денис вынул Нинин ключ из скважины и вернул хозяйке.

Перед его уходом Нина спросила про оконную деталь. Он выслушал её, посмотрел на снимок, но брать железку не стал.

— Тут не скажу. Могу дать номер человека, который старые оконные приборы подбирает. Ему лучше и окно показать, и всё, что сняли. Сначала объясните задачу, спросите, возьмётся ли.

— Дайте.

Он переслал контакт и предупредил, что за цену и сроки чужой работы не отвечает.

Нина накинула куртку, чтобы проводить его до калитки. Аркадий тоже собирался домой, но, уже выйдя на крыльцо, вспомнил тетрадь на кухонном табурете. Решил вернуться за ней после того, как они попрощаются с Денисом.

На дорожке за калиткой стоял Борис Лаптев. В руке он держал короткую оцинкованную скобу и свёрнутый кусок проволоки.

— Хорошо, что застал, — сказал он Нине. — На боковом заборе доску качает. Сейчас прихвачу, а то ветром выломает.

— Не надо, Боря.

— Две минуты.

— Я видела эту доску. Сегодня не надо.

Борис посмотрел на Дениса, на его сумку, затем на Аркадия. Проволоку он убрал в карман.

— Опять дверь просела?

— Замок меняем, — сказала Нина.

— Там нормальный замок. Я его осенью смазывал.

— Он и сейчас нормальный. Мне нужен другой ключ.

Денис перехватил сумку поудобнее.

— Нина Павловна, завтра позвоню, как договорились.

— Да, спасибо.

Он поздоровался с Борисом кивком и пошёл к главной улице. Борис проводил его взглядом.

— Это можно было мне сказать. Я бы заменил.

— Я сказала Денису.

— За деньги любой приедет.

— Он назвал цену, я согласилась.

— Да не в деньгах дело. Зачем платить, когда я тут?

Нина стояла внутри участка, одной рукой придерживая калитку. Аркадий оказался сбоку, слишком близко для случайного свидетеля. Он отступил к дорожке, но Нина обернулась:

— Аркадий Сергеевич, не уходите пока. Вы всё равно видели то, о чём я скажу.

Борис нахмурился.

— Что ещё видели?

— Петлю. И оконную деталь, которую ты мне вернул.

— Ну?

— Я их сохранила. И сообщения. Сейчас собираю фотографии. Хочу разобраться, откуда у меня оказались детали, которые ты называешь моими.

— Ты о чём вообще?

— Петля, похоже, не из моего шкафа. И с окном у меня не сходится.

— Похоже — это что значит? Ты знаешь, сколько там всего переставляли?

— Поэтому и хочу проверить.

— Со мной надо проверять. Я делал, я и покажу.

— Ты уже объяснил. Я услышала. Теперь попрошу ещё кого-нибудь посмотреть.

За соседним забором скребли граблями по земле. Время от времени зубья цепляли камень, и раздавался короткий металлический звук.

— Давай я зайду, — сказал Борис. — Снимем, разложим. Если что не так, исправлю. Зачем других звать?

— Сейчас ничего снимать не будем.

— Нина, дверца закрывается?

— Закрывается.

— Окно закрывается?

— Да.

— Значит, я сделал как надо.

— Сейчас всё работает. Я спрашиваю про то, что было раньше. И почему понадобилось чинить.

— Вещи старые. Я их не новыми покупал.

Аркадий помнил, как Борис работал в правлении: прежде чем освободить полку, спросил Орлову, куда поставить папки, а снятые винты собрал в крышку. Там после него осталась исправная дверца. Здесь мебель тоже была исправна. Но это не отвечало на Нинин вопрос о возвращённых деталях.

— Вы смотрели? — спросил Борис у Аркадия.

— Видел детали и фотографию окна.

— И что, заключение уже вынесли?

— Нет. Я в этих приборах не специалист.

— Ну вот.

— По снимку я ничего подтвердить не могу. Проверять придётся не по моему мнению.

— А чего проверять? Я двадцать лет здесь людям делаю. У кого крыша, у кого насос, у кого дверь. То зимой не доедут, то денег сейчас нет. Никто квитанций не требовал. А теперь каждый винт надо оправдывать?

Нина отвела калитку чуть шире, чтобы ветер не бил её о бедро.

— Боря, я помню, как ты мне крышу закрыл, когда лист сорвало. И воду из-под пола помог откачать. Я этого не вычёркиваю.

— Слышно, как не вычёркиваешь. Сорокин один раз дверь подогнал — теперь ему веры больше.

— Денис придёт сделать одну работу, о которой мы договорились. А тебе я за прежние работы благодарна. Но больше ничего у меня чинить не надо. И входить без меня тоже.

— Да я к доске подошёл, не в дом.

— Я и доску сегодня не просила.

На дороге показался Семён. Он шёл к соседнему участку с садовой пилой в чехле, подвешенном к запястью. Увидев их, остановился.

— Что у вас?

— Нина считает, я ей чужое старьё ставлю, — сказал Борис.

— Я говорю, что буду проверять происхождение деталей, — ответила она. — И пока не хочу, чтобы ты у меня работал.

Семён посмотрел на скобу в руке Бориса.

— Из-за доски столько разговоров?

— Не из-за доски.

— Ну зайдите, обсудите по-человечески. Тут сейчас вся улица соберётся.

На улице, кроме них, никого не было. Грабли за забором продолжали скрести; Аркадий не мог понять, слышал ли их хозяин разговор.

— Я Боре заранее говорю, — сказала Нина. — Если подтвердится, что мне рассказывали не то, что делали, я покажу соседям детали и объясню, почему больше этим рассказам не доверяю.

Борис усмехнулся.

— Значит, уже собрание готовишь.

— Нет. Сначала спокойно разберу вещи и сообщения.

— А потом всем расскажешь, какой я.

— Что было сделано, расскажу.

Семён переступил на сухую полосу у забора.

— Нина, не надо выносить. Мало нам зимой было? Люди всё равно половину не поймут, каждый своё добавит. Борис исправит, если ошибка вышла.

— А если это не ошибка?

— Ты сперва узнай.

— Так я и собираюсь узнать. А ты просишь заранее молчать. Почему? Чтобы Боре неприятно не было?

— Чтобы потом друг на друга смотреть могли.

Нина некоторое время молчала. Аркадий видел, как она большим пальцем счищает с ручки калитки отставшую краску.

— Он не только у меня работает, — сказала она. — Если всё объяснится, я это тоже скажу. Но если подтвердится, другие хозяева имеют право знать. Даже если нам с Борей будет трудно здороваться.

— Сначала нужно разобраться, — сказал Аркадий.

— А ты не подхватывай. Вы с ней сейчас вдвоём, он один.

Ему захотелось ответить, что число людей у калитки не меняет происхождения петли. Но Семён услышал только конец разговора. Ему уже успели предложить две стороны, и он выбрал ту, которую счёл слабее.

— Я не видел ремонта, — сказал Аркадий. — И заключения по деталям не дам. Но проверить объяснение можно. Если оно верное, это тоже выяснится.

— Конечно верное, — отозвался Борис. — Только после такого работать уже не хочется.

— У меня и не надо, — сказала Нина. — Замок Денис поменяет утром двенадцатого. А ключ, пожалуйста, принеси до завтрашнего вечера. Как я просила.

— Принесу.

Он убрал скобу в карман. Несколько секунд они стояли молча, затем Борис повернулся к Семёну:

— Ты к Пахомовым?

— Пилу вернуть.

— Пойдём.

Семён ещё смотрел на Нину.

— Можно было без людей.

— Я ему сама сказала. Не хотела, чтобы он от других услышал.

— Ладно.

Они пошли по дороге. Борис говорил негромко, и Аркадий различил только начало: «Им теперь обязательно чужого человека…» Дальше слова смешались со звуком колёс: из проулка выкатили тачку с прошлогодней травой.

Нина закрыла калитку. Защёлка вошла не с первого раза; она подняла створку за ручку и попробовала ещё.

Аркадий посмотрел на нижнюю петлю калитки и промолчал.

— Вот это пока тоже оставим, — сказала Нина, заметив его взгляд. — Земля отойдёт, посмотрим. Каждый апрель так.

Она не выглядела победительницей. Щёки раскраснелись, ворот куртки подвернулся внутрь. Нина расправила его.

— Я тетрадь оставил, — сказал Аркадий.

— Пойдёмте. А то ещё расписание прихватите, и мне придётся ехать самым быстрым способом.

В доме она сняла куртку и поставила чайник на огонь. Аркадий забрал тетрадь с табурета, но уходить сразу было неловко. Он присел к столу.

— Всё-таки неприятно, — сказала Нина.

Он не спросил, что именно.

— Боря ведь и правда много хорошего сделал. Я не для разговора это сказала. Когда под полом вода стояла, он два дня возился. И деньги не взял. Я потом ему куртку перешивала, но это же не расчёт был.

— Понимаю.

— А сейчас получается, я обязана верить, даже когда вещь в руках держу и не узнаю.

Она подвинула петлю подальше от края.

— Может быть и перепутанная деталь, — сказал Аркадий. — Или неверно объяснённая работа. Надо оставить возможность проверить, не только подтвердить то, что вы предполагаете.

— Оставлю. Но замок всё равно сменю.

Он кивнул. Для этого решения ей не требовалось его техническое заключение.

— Больше всего я не хочу опять просить его прийти и всё объяснить, — продолжила Нина. — Спросишь про окно — уже шкаф смотрит. Скажешь, что со шкафом порядок, — найдёт доску. А потом я же виновата, что не ценю.

— С Верой когда собираетесь?

— Сейчас узнаю.

Она нашла номер и позвонила. Аркадий сложил оставшиеся у него листы, слыша только Нинину сторону разговора.

— Вера Андреевна, вы двенадцатого будете?.. Мне бы с вами посидеть, документы посмотреть. Нет, не взносы. Мои ремонты… Сейчас долго объяснять, лучше покажу. Детали есть и переписка. Хочу, чтобы кто-нибудь, кроме меня, посмотрел порядок… В одиннадцать удобно? До этого Денис замок меняет.

Нина помолчала, слушая.

— Да, я сама Боре сказала. И что собираюсь соседям рассказать, если подтвердится… Нет, ругани не нужно. Мне как раз без ругани разобраться. Тогда здесь. Я всё приготовлю.

Она закончила разговор и записала на листке под девятью часами ещё одну строку: «11:00 — Вера». Рядом поставила дату — двенадцатое апреля.

— Придёт. Аркадий Сергеевич, если вас о моих железках спросят, не надо пока подробностей. Я сама ещё не всё разложила.

— Скажу, что видел детали. А откуда они — пока не знаю.

— Вот это хорошо. А то вы иногда так выразитесь, будто у меня на кухне склад контрабанды.

Он улыбнулся.

Чайник начал шуметь. Нина убавила огонь и достала чашку.

— Вам налить?

— Нет, спасибо. Я дома пообедаю.

— Тогда не держу. И не тревожьтесь из-за разговора. Обидится, конечно. Но мы уже всё сказали. Ключи вернут, замок поменяю. Дальше уж придётся звонить, а не приходить с готовым решением.

Аркадий не был уверен, что обида пройдёт так просто. Однако спорить с её расчётом у него оснований не было. Нина не собиралась ни отказываться от соседей, ни отдавать им право распоряжаться домом.

У двери она напомнила, что завтра Ольга приедет за комодом.

— Если сможете, помогите вынести. Семён, может, после сегодняшнего не захочет.

— Во сколько?

Они договорились на полдень. Аркадий записал время. Ему ещё предстояло закончить рассадный ящик, и теперь он знал, до какого часа нужно освободиться.

Нина вернулась к столу. Положила две снятые детали рядом с записанным временем прихода мастера, а расписание отодвинула подальше.

— Ещё подпишу, когда что принесли. А то начнём с Верой и полдня будем искать даты.

— Отдельные бумажки лучше.

— Так и сделаю.

До разговора с Верой оставалось два дня. Аркадию хотелось, чтобы за это время нашлись обещанные фотографии: не ещё одно мнение о Борисе, а снимки, на которых можно увидеть, где прежде стояли эти вещи.

Когда он спускался с крыльца, через окно было видно, как Нина отрезает от чистого листа две узкие полоски — по одной для каждой детали.

Глава 5. До завтра

Стекло входило в паз до половины и останавливалось.

Аркадий вынул его, провёл пальцем по деревянному краю и нашёл наплыв старой краски. С утра он уже дважды уверял себя, что осталось на десять минут. Теперь до полудня оставалось двенадцать, а до Нины ещё надо было дойти.

Он взял стамеску, посмотрел на часы и положил её обратно.

Можно было закончить, опоздать и рассказать, почему не получилось оторваться. Нина, скорее всего, поняла бы. Только комод от этого легче не стал бы, а Ольга уже приехала.

Стекло он убрал между двумя листами картона и поставил в узкий промежуток между стеной сарая и тяжёлым ящиком с обрезками. Снятую планку закрепил струбциной на верстаке. Самому хотелось сделать ещё одно движение: снять краску, примерить, убедиться. Вместо этого он закрыл сарай.

В кармане завибрировал телефон.

«Мы уже здесь», — написала Ольга.

Он ответил: «Иду», снял рабочий фартук и вымыл руки водой из канистры. Кран сезонного водопровода над мойкой былпо-прежнему закрыт. На крыльце пришлось вернуться за перчатками.

У Нининой калитки стоял Денис Сорокин. Из кармана его куртки торчал магазинный пакет с длинной узкой коробкой. Мастер держал телефон у уха и объяснял кому-то, что дверное полотно задевает не обязательно по вине замка.

— Если дверь надо плечом поднимать, цилиндр тут ни при чём… Нет, пока не заказывайте. Сначала посмотрим.

Он закончил разговор, поздоровался с Аркадием и пропустил его на дорожку.

— Вы к Нине Павловне работать?

— Комод вынести.

— Хорошее дело. С него хотя бы размеры можно снять, прежде чем звонить.

Нина открыла дверь ещё до того, как они поднялись на крыльцо. На шее у неё висели очки на тонком шнурке, в руках был лист упаковочного картона.

— Денис, заходите. Только не разувайтесь, у нас сегодня мебельный переезд.

В пониженной прихожей лежали старые половики. Нина ногой расправила загнувшийся край у трёх ступеней, ведущих на кухню.

— Вот здесь осторожно. Я для чистоты постелила, а оно всё ездит.

Денис поднялся и положил на стол ключ без кольца.

— Ваш. Нашёл в коробке с креплениями, как и говорил. После веранды там остался.

Нина поставила рядом небольшую белую миску с синим ободком. Ключ звякнул о дно.

— Значит, с верандой окончательно рассчитались. Материал получили?

— Да. Завтра, двенадцатого, к девяти. Цилиндр взял той длины, которую вчера измерил. Сам замок менять не требуется.

— Я вечером в город уеду, но утром буду. Если автобус задержится, позвоню.

— Хорошо. Раньше девяти всё равно не приеду.

Нина посмотрела на ключ в миске.

— Соберу все, и ещё новый замок. Будто дважды одно дело делаю.

— Вы собираете те ключи, которые людям давали. А цилиндр меняете, чтобы не зависеть от того, все ли вспомнили свои копии. По памяти полный список не восстановишь.

— Понимаю. Просто миску зря выбрала. В ней каждый ключ как ложка в пустой кастрюле.

Денис улыбнулся. Он записал название детали на обороте магазинного листка, ответил на вопрос о числе новых ключей и убрал телефон.

— Завтра полный комплект вам в руки. Проверим при мне.

— Спасибо. До девяти я вас не жду, после девяти буду сердиться.

— Тогда постараюсь попасть ровно.

Он ушёл, не осматривая ни шкаф, ни окно. Аркадий вслед за Ниной прошёл в комнату.

Комод уже стоял посреди пола — невысокий, но широкий, с выпуклыми боками и четырьмя ящиками. Нижний Ольга вытянула и поставила на газету; два других лежали на кровати. За прежним местом комода обнаружился прямоугольник более светлых обоев.

— Добрый день, Аркадий Сергеевич. Я всё вынула. Только верхний заедает.

Он присел, посмотрел снизу.

— С другой стороны придержите. Не тяните пока.

Ольга взялась за край. Они чуть приподняли ящик, и тот вышел с сухим шорохом. Внутри остался маленький пластмассовый колпачок.

— Вот и всё имущество, — сказала Ольга.

Нина забрала колпачок.

— От моей маслёнки. Я её зимой искала.

— Отдать?

— Колпачок — да. Комод оставь себе.

Аркадий убрал с крышки рулон плёнки и поднял один край. Без ящиков комод оказался легче, чем выглядел.

— Вдвоём вынесем. Через дверь пойдём боком.

— Я спиной? — спросила Ольга.

— Нет, спиной пойду я. Вы будете видеть край.

— А я что делаю? — спросила Нина.

— Открываете двери.

— Наконец-то работа, для которой не надо заранее раздевать мебель.

Она сняла с верхнего ящика пакет и ушла в прихожую. Оттуда донёсся короткий скребущий звук.

Аркадий подхватил комод за нижнюю обвязку. Ольга подняла свой край не сразу — проверила, не цепляется ли ремень за ножку. Они вышли в прихожую, переступая порог. В дверном проёме пришлось повернуть мебель; выпуклый бок едва не задел косяк.

— Стойте. На себя немного, — сказал Аркадий.

Ольга отступила.

Нина уже распахнула наружную дверь и подпёрла её низким чугунным упором с округлой ручкой. На потёртом боку держались островки тёмно-зелёной краски, из-под основания выглядывал серый войлок.

— Этот не уедет? — спросил Аркадий, проверяя, куда поставить ногу.

— Он у меня лет двадцать не ездит. Разве что сама передвину.

С крыльца послышался голос Семёна:

— Ты левый угол опусти! Нет, не этот левый, другой!

Аркадий удержал комод на месте.

— У него с нашей стороны один левый угол.

Семён стоял в дверях, опираясь на палку. Фуражка была надвинута низко, под мышкой он держал свёрнутую сетку.

— Так ты подай вперёд. Ольга, отпусти, я возьмусь.

— Семён, отойди от двери, — сказала Нина.

— Я помочь пришёл.

— Ты сейчас проход закрыл.

— Да они его на весу держат!

— Поэтому отойди.

Он шагнул на крыльцо, и в прихожую вошёл холодный воздух. Аркадий почувствовал его у шеи.

— Ольга, теперь к наружной двери. Не торопимся.

Она кивнула. Они переставили ноги и ещё раз повернули комод. Нина придержала ремень, свесившийся к полу.

— Семён Ильич, мы вас к половине первого просили, когда машина подойдёт, — сказала Ольга, выдыхая.

— Раньше пришёл. Что же, у калитки стоять?

— Пока несут — лучше у калитки, — ответила Нина.

Комод поставили в нижней части прихожей на сложенный картон. До крыльца оставался прямой проход. Аркадий выпрямился и расправил плечи.

— Передохнём.

Семён постучал пальцами по верхнему краю.

— На ребро надо было. Он бы сразу прошёл.

— Уже прошёл, — сказала Ольга.

Нина достала из кармана салфетку и стёрла с крышки влажный след ладони.

— Не три, я сейчас сниму, — попросила Ольга.

— Для чего?

— Покажу, что именно везу. А то меня ждут с парой сумок. Пусть место освободят.

Она подняла телефон, встала возле наружной двери и навела камеру на комод. За ним на стене была видна узкая деревянная вешалка. На одном из гладких, загнутых вверх крючков висел Нинин клетчатый шарф; соседний, такой же деревянный и целый, выступал над крышкой комода. Ольга отступила ещё на полшага, чтобы в кадр вошли ножки.

— Аркадий Сергеевич, руку уберите, пожалуйста. А то вместе с мебелью отправлю.

Он убрал ладонь с края.

Ольга сделала снимок, посмотрела на него и повернула экран к Нине. Аркадий стоял рядом: комод поместился целиком, над ним — шарф и свободный крючок.

— Так видно?

— Видно. Только мой шарф в комплект входит.

— Напишу, что без шарфа.

Она открыла переписку, прикрепила фотографию и набрала несколько слов. Аркадий видел, как снимок появился в отправленном сообщении. Затем Ольга сфотографировала вынутые ящики, сложенные в кухне, и убрала телефон.

С улицы коротко посигналили.

— Рано приехали, — сказала она. — Я выйду, покажу, где остановиться. Семён Ильич, только машину сами не направляйте, ладно? Я с водителем договорилась.

Семён посмотрел на Нину, будто это она заранее настроила всех против его помощи.

— Я ещё слова не сказал.

С водителем работа пошла быстрее. Он принёс два ремня, взял тяжёлый край и сперва спросил, как удобнее разойтись на дорожке. Семён вынес один ящик, потом второй. Нина не стала ему мешать, только попросила не ставить их в сырую траву.

Комод обернули плёнкой и закрепили в машине. Аркадий помог поднять последний ящик, отряхнул перчатки и вернулся за кепкой. Наружная дверь всё ещё стояла распахнутой. Нина подхватила упор за ручку, убрала к стене у порога и прикрыла дверь.

В кухне стало заметно тише.

Ольга вошла следом, расстёгивая сумку.

— Чуть не забыла.

Она сняла со связки небольшой ключ. Кольцо не поддавалось, и Нина протянула ей край старой пилочки для ногтей.

— Вот этим. Только зубами не надо.

— Я не собиралась.

— Ты всегда так говоришь после того, как уже попробовала.

Ключ упал в миску рядом с Денисовым. Ольга провела пальцем по оставшимся на связке ключам.

— Синюю сумку можно пока оставить?

— До когда?

— До выходных. Там только мои ткани и коврик.

— Поставь под стол в комнате. Мне там не помешает.

— В воскресенье заберу. Позвоню сначала.

Нина кивнула.

Ольга убрала пилочку в стакан с карандашами, потом, подумав, вернула её на стол.

— Тёть Нин, я тебе вечером…

— Позвонишь, когда сможешь.

Аркадий уже взял кепку, но Семён загородил проход, занося пустую сетку. Ольга наклонилась к Нине и сказала что-то тихо. Нина выслушала, положила ладонь ей на предплечье.

— Не сегодня — значит, не сегодня. Сумку я не выгоняю.

Ольга улыбнулась. Она поблагодарила Аркадия, застегнула куртку и вышла к машине.

Семён проводил её взглядом через стекло двери.

— А комод-то куда?

— Куда Оле нужен, — ответила Нина.

— Я ж не адрес спрашиваю.

Нина не стала уточнять, что именно он спрашивает. Прошла к окну, дождалась, пока машина тронется, и помахала. Потом поправила край занавески, попавший между горшком и рамой.

Семён выложил на стол ещё один ключ. Не в миску — рядом.

— Держи.

— Спасибо.

— У меня он с тех пор, как тебе крыльцо делали. Ни разу не потерял.

Нина взяла ключ и положила к остальным.

— Я не говорила, что ты терял.

Семён повертел в руках сетку.

— Продукты в холодильник убрала?

Она обернулась.

— Какие?

— Я утром занёс. На стол поставил, чтобы в пакетах не мокло.

Аркадий опустил глаза на свои перчатки. Он собирался уйти сразу после Ольги, но теперь уход показался бы нарочитым. Оставаться при чужом разговоре было не лучше.

— Я кепку в прихожей оставил, — сказал он и спустился на несколько ступеней.

Кепка лежала там, где он её положил. Рядом на тумбочке стояли два пакета. В одном виднелась пачка творога, в другом — зелёный лук в прозрачном рукаве.

— Семён, я же просила, — донеслось сверху.

— Что ты написала? Ключи до вечера. Вот я принёс.

— И входить — только когда договоримся.

— Я тебе еду принёс, не шкафы проверял.

Нина не ответила сразу. Аркадий расправил перчатки, вложил одну в другую. Через открытую дверь кухни он видел только край стола и Семёнову руку на спинке стула.

— Я сегодня уезжаю. Творог мне не нужен. Забери, пожалуйста.

— До утра уезжаешь. Не на год.

— До утра. И творог мне не нужен.

— Да что ты заладила — нужен, не нужен. Раньше брала.

Нина спустилась в прихожую, взяла пакеты и вернулась на кухню. Аркадий отступил, пропуская её.

— Аркадий Сергеевич, вы не уходите ещё. Я обещала полоску ткани дать, для стекла. Обрезки нашла.

Он остановился у лестницы.

Сверху несколько слов прозвучали тише; Аркадий их не разобрал. Потом зашуршала сетка.

— Не ожидал я от тебя такой неблагодарности, — сказал Семён.

— А я не нанималась всю оставшуюся жизнь доказывать, что ты мне пригодился.

Пакет перестал шуршать.

Нина поставила его на стол.

— Нет. Не так сказала. Ты помогал, я помню. Но сейчас прошу: позвони сначала. Спроси, есть ли я дома, надо ли мне что-нибудь. Это трудно?

— С тобой теперь всё трудно.

— Тогда давай не сегодня.

— А когда? Когда тебе самой понадобится?

— Можно и тогда. Можно просто позвонить.

Семён поднял сетку. Из неё торчал зелёный лук. Ключ на столе он больше не искал.

— Смотри сама, Нина.

Он спустился мимо Аркадия, задевая сеткой перила, и вышел. Дверь пришлось придержать: ветер тянул её наружу. Семён закрыл её аккуратно, даже слишком медленно.

Нина осталась возле стола.

Аркадий чуть не сказал, что тот остынет. Но когда именно и остынет ли, он не знал. Он снял с рукава приставшую нитку.

— Ткань где?

— В комнате. На кровати.

Она принесла две полоски плотной зелёной ткани — остаток того же отреза, который дала ему несколько дней назад.

— Можно между стеклом и досками проложить, пока носите.

— Спасибо.

Нина села. Миску с ключами подвинула на край кухонной полки, освобождая стол.

— Про «пригодился» зря сказала.

— Резко.

— Очень. Только я не знаю, как ещё разговаривать, если он слышит одно: его больше не любят.

Аркадий сложил ткань.

— Потом можно сказать иначе.

— Можно. Ключ обратно всё равно не дам. И Дениса отменять не стану.

Она потёрла переносицу под очками, затем поднялась и поставила чайник на плиту.

— Чаю хотите?

— Если и вы будете.

— Буду. Только без угощения. Всё уехало в сетке.

У калитки послышался голос Раисы Белкиной. Нина подошла к двери и позвала её в дом. Раиса вошла с большой хозяйственной сумкой, в которой что-то сухо постукивало.

— У вас тут грузчики уже освободились?

— Один остался, — сказала Нина. — Но больше я ему ничего не дам.

— И правильно. А то у меня в сумке шесть щёток, начнёт спрашивать, какую крышу мы ими собираемся мести.

Она поставила сумку у порога. Под верхним пакетом лежали жёсткие щётки с короткими ручками и пачка рабочих перчаток.

— В теплицу? — спросил Аркадий.

— Да. Лидия Матвеевна попросила привезти. Внутрь пока не полезем, там с приёмкой не всё. Столы во дворе отмоем, ящики переберём. Говорят, часть совсем развалилась.

Аркадий представил мокрые столы возле стены и людей со щётками. К этой работе ему было проще мысленно присоединиться, чем представить себя внутри общей теплицы. Он спросил:

— Воду привезут?

— В канистрах. Антон просил не рассчитывать на общий кран.

Раиса расстегнула маленький карман сумки и достала ключ на коротком красном шнурке.

— Вот, пока не забыла.

Нина протянула руку. Раиса сняла шнурок, а ключ положила в миску сама.

— Верёвочку заберу. У меня от сарая всё время в подкладку проваливается.

— Забирай. Она и была твоя.

Теперь в миске лежали четыре ключа. Нинин собственный остался на кольце рядом с дверью, вместе с маленьким ключом от навесного замка на сарае.

Раиса заметила след от комода на обоях.

— Просторно стало.

— Пока. Может, столик туда переставлю.

— Этот?

— Другой. Сегодня уже ничего переставлять не буду.

— Правильное решение. Ты вечером готова будешь?

— Буду. Во сколько за мной зайдёшь?

— После восьми. Я из теплицы к себе, переоденусь и сюда. К половине девятого машину вызовем.

— Давай. Только позвони, когда к себе пойдёшь. Я могу со сборами закопаться.

— Тебе на одну ночь.

— Именно. На одну ночь всегда больше собираешь, потому что всё кажется маленьким.

Раиса села на край стула, не снимая куртки.

— Мне в городе утром бумаги забрать. Тебе что?

— Из квартиры кое-что привезти. И очки запасные: дужку починили, Оля уже забрала, у консьержки оставит. Утром первым подходящим автобусом обратно. В девять Денис, в одиннадцать Вера.

— В Кострому, значит, пока не бежим?

— До июня никуда не бежим. Я для этого и выбрала пересадку подлиннее.

Она взглянула на Аркадия.

— Уже не возражаю, — сказал он.

— Запомним дату.

Раиса рассмеялась и потянулась за сумкой.

— Чай не буду, Нин. Я только ключ отдать и про вечер сказать. Если со столами задержимся, наберу.

— Из-за столов ещё можно. Из-за наших споров поездку отменять не собираюсь.

Раиса посмотрела на неё внимательнее, но расспрашивать не стала.

— Значит, вечером зайду.

Она поцеловала Нину в щёку, подняла сумку обеими руками и вышла. Щётки снова застучали друг о друга.

Нина достала две чашки. Аркадий сел, положив на соседний стул кепку и сложенную ткань. За окном водительская колея уже подсыхала по краям, а в середине ещё блестела вода.

— Давно обещали Ольге комод? — спросил он.

— Давно. У этого ящики глубокие.

— Нижний хорошо бы воском пройти. Туго идёт.

— Скажу ей. Пусть сама решает.

Нина налила чай и села напротив. Некоторое время они молчали. Она разглядывала освобождённый угол комнаты через открытую дверь, он — небольшой ожог на клеёнке возле сахарницы. Чай был слишком горячим, и торопиться не имело смысла.

— Вам столик помочь передвинуть? — спросил Аркадий.

— Нет. Я же сказала, сегодня ничего.

— Этот можно за пять минут.

Нина подняла глаза.

Он сам услышал, как знакомо прозвучало предложение.

— Хорошо. Не сегодня.

— Я сначала помою, где комод стоял. И решу, удобно ли там вообще будет сидеть. Может, оставлю пусто.

Аркадий посмотрел на светлый прямоугольник. Ему уже представлялся стол под окном, но это было не его окно.

— А для Веры всё собрано?

— Почти.

— Могу помочь даты выписать.

— Я сама. Мне надо спокойно сесть, а не между комодом и чужой обидой. К завтрашнему разговору соберу.

— Тогда не мешаю.

Он допил чай. Нина убрала со стола магазинный листок Дениса и положила его рядом со вчерашней записью двух назначенных часов.

Телефон зазвонил, когда Аркадий застёгивал куртку.

Нина посмотрела на экран и ответила:

— Да, Боря.

Аркадий взял с тумбочки кепку.

— Сегодня жду, — сказала она. — Ключ занеси, пожалуйста… Позже можно. Я вечером уеду, но не сейчас… Нет, делать ничего не надо.

Она слушала, стоя боком к окну.

— Я поняла. Тогда до вечера.

Положила телефон на стол.

— Борис позже принесёт.

— Договорились?

— Да. До моего отъезда.

Аркадий кивнул. Ему хотелось уточнить час, но Нина уже складывала картон, оставшийся после комода. День у неё и без того состоял из чужих приходов.

Он поднял с пола две тонкие деревянные планки.

— Это Ольга забыла?

— Нет, от старого стола. Я сама их туда прислонила.

Аркадий вернул планки к стене.

— Тогда не трогаю.

— Вот теперь точно всё. Спасибо вам. Одной мне пришлось бы с ним до лета жить.

— Ольга хорошо держала.

— Она упрямая. Скажешь, что тяжело, — будет нести до города.

Нина проводила его до калитки. Дорожка подсохла на солнце; песок, который она сыпала несколько дней назад, вдавился в глину и больше не скользил под ногами.

— Завтра вы дома будете? — спросила она.

— Буду. Ящик недоделан.

— Мы с Верой сначала сами посмотрим. Если по датам запутаемся, позовём. Можно?

— Позвоните.

Он поднял створку, чтобы защёлка попала на место.

— Всё ещё цепляет.

— Знаю. До сухой погоды потерплю.

Нина осталась по другую сторону калитки, придерживая ворот кофты.

— До завтра, Аркадий Сергеевич.

— До завтра.

На обратном пути Аркадий никуда не заходил. Только у своего забора остановился и вытащил из канавки ветку, за которую цеплялся нанесённый водой мусор. Сапог сразу ушёл в мягкую землю глубже, чем он рассчитывал. Пришлось держаться за столб и осторожно вытягивать ногу.

Дома он сперва вымыл сапоги, потом пообедал. Стекло оставалось в сарае между листами картона. Аркадий не пошёл за ним сразу: разобрал привезённую из города сумку, нашёл пакет с горохом, который безуспешно искал утром, и убрал на полку пустые банки. Потом занялся яблоней — отвязал от нижней ветки зимнюю ленту, слишком туго затянувшуюся на коре.

К вечеру на кухонном столе снова хватало места для работы. Он расстелил старое полотенце, принёс рамку рассадного ящика и снял краску с паза. На этот раз не спешил. Проверил угол тонкой щепкой, вымел стружку кистью.

Марине написал сам: «Сегодня дома. Помог Нине с комодом, теперь заканчиваю ящик. Завтра тоже здесь».

Она позвонила через несколько минут.

— Ящик тот самый, который ты в воскресенье почти закончил?

— Тот самый.

— Хорошо, что у него нет срока сдачи.

— Был. Воскресенье.

— Тогда у него хороший руководитель. Не торопит.

Аркадий положил стамеску подальше от края.

— Как у вас?

Марина рассказала про работу, про Мишину куртку, которую тот оставил у приятеля, и спросила, нужно ли что-нибудь привезти. Аркадий начал было отказываться, потом вспомнил о длинных саморезах.

— Если будете в хозяйственном, возьми маленькую упаковку. Я размер пришлю.

— Буду. Только не присылай фотографию шурупа рядом с пальцем. Миша сказал, в прошлый раз масштаб был неясен.

— Рядом с линейкой.

— Это уже заявка.

После разговора Аркадий написал размер и убрал телефон на подоконник. Завтра никуда ехать не требовалось. Можно было закончить ящик, а потом посмотреть, что делать со старой полкой в сарае.

Он принёс стекло, вынул его из картона и проложил край подаренной Ниной тканью. В очищенный паз оно вошло свободно. Аркадий придержал его ладонью и потянулся за прижимной планкой, но та осталась на верстаке в сарае.

За окном ещё было светло. Он мог сходить за ней сейчас, а мог сперва убрать со стола стружку и поставить ужин. Нина у калитки так же просто сказала: «До завтра», — не спрашивая, сколько именно работы у него осталось.

Аркадий положил стекло на полотенце. Планку ещё предстояло подогнать.

Глава 6. Свет в прихожей

Стекло наконец встало в паз, но головка последнего винта оказалась не под ту отвёртку.

Аркадий попробовал осторожно повернуть её краем жала, почувствовал, как металл соскальзывает, и остановился. Нужная отвёртка лежала в сарае. Можно было сходить, но тогда захотелось бы снять соседнюю планку, заменить ещё два винта и проверить, не слишком ли туго прижато стекло. Он уже знал эту последовательность.

Он убрал инструмент. Рамка лежала на сложенном полотенце; зелёная ткань, подаренная Ниной, выступала из-под неё узкой полосой. До утра ничего с ней не случится.

Телефон на подоконнике зазвонил, когда Аркадий сметал стружку в совок.

— Аркадий Сергеевич?

Голос Раисы был тихим, почти деловым.

— Да.

— Вы дома?

— Дома. Что случилось?

— Я к Нине пришла. Она не открывает. И телефон… Слышно, что звонит. Я сначала подумала, она в сарай вышла.

Аркадий поставил совок на стол.

— Вы сейчас у неё?

— На крыльце. Через стекло видно. Там кто-то лежит. Нина, наверное. Я не понимаю, как… У ступенек.

Он взял телефон удобнее.

— В сто двенадцать позвонили?

— Да. Сказали, помощь направили. Я адрес дала. Наше товарищество, шестьдесят четвёртый участок. Сказала, что человек не отвечает.

— Вы там остаётесь?

— Да. Куда же я?

— Я попрошу Фомича встретить машины и иду к вам.

— У меня ключа нет, — сказала Раиса. — Я же сегодня отдала.

— Я помню.

— Днём отдала. На полку положили.

— Раиса, я скоро буду.

Он проверил, что рамка лежит устойчиво, и надел куртку. Фонарь нашёлся в кармане, но крышку пришлось довернуть. Аркадий направил луч на пол и только после этого вышел.

Николай Фомич ответил не сразу.

— К шестьдесят четвёртому участку едут службы, — сказал Аркадий. — Раиса вызвала. Нина не отвечает, её видно через стекло. Нужно открыть проезд и показать дорогу.

— Что с ней?

— Не знаю. Я ещё не дошёл.

— Понял. Шлагбаум подниму. У поворота к ней колея, скажу, чтоб левее держались.

Аркадий убрал телефон.

На своей дорожке он едва не наступил на край доски, положенной через размытый сток. Пришлось вернуться на полшага и поставить ногу по центру. Доска подалась, из-под неё выступила вода. Сапоги, вымытые после обеда, сразу набрали грязь.

У ближайшего перекрёстка он подумал о Борисе. Тот знал Нинину дверь, умел обращаться с замками и, возможно, был недалеко. Рука уже потянулась к карману. Но службы ехали, Раиса говорила с диспетчером. Звать человека открывать дом по соседской привычке сейчас не следовало.

Он пошёл дальше.

Обычная дорога до Нины занимала около шести минут. В темноте быстрее не получалось: лужи слились с тенями, между заборами осталась узкая сухая полоса. На повороте пришлось пропустить машину, осторожно пробиравшуюся к воротам. Водитель приоткрыл окно, хотел что-то спросить, но Аркадий лишь поднял ладонь и прошёл.

У участка №64 светилось окно кухни. В прихожей тоже горела лампа.

Калитка была приоткрыта и упиралась нижним углом в землю. Аркадий поднял створку и прошёл.

Раиса стояла возле крыльца, а не на нём. Небольшая сумка висела через плечо; в руке она держала телефон экраном наружу.

— Я им ещё раз сказала, что дверь закрыта, — произнесла она. — Мне перезвонили.

— Что велели?

— Ждать. Я объяснила, что внутрь не попасть. Если что изменится — сразу звонить.

Она посмотрела на дверь.

— Я ведь только ключ сегодня отдала. Даже шнурок сняла. Красный у меня остался.

— Вы правильно сделали, что вызвали помощь.

— Я не про это. Я обычно… если она не слышит, открываю и кричу с порога. А тут стала в сумке искать.

Раиса расстегнула наружный карман, потом закрыла.

Аркадий поднялся на крыльцо. В узкой остеклённой части двери отражался его фонарь. Он опустил луч и посмотрел внутрь, не прижимаясь к стеклу.

Ему было видно лишь часть пониженной прихожей и низ короткой лестницы, ведущей к кухне. У ступеней лежал человек. Знакомая домашняя одежда, рука возле пола — остальное скрывали край простенка и отражение. Аркадий не мог понять, есть ли движение.

— Нина Павловна! — позвал он.

Ничего не изменилось.

Возле нижней ступени стоял чугунный упор с округлой ручкой. Днём Нина держала им наружную дверь, пока они выносили комод, потом убрала к стене у порога. Теперь он находился в другом месте. Но после ухода Аркадия прошло много часов; он не знал, что здесь передвигали.

Через стекло всё выглядело так, будто Нина оступилась на трёх знакомых ступенях. Он поймал себя на готовности принять это объяснение прежде, чем кто-либо вошёл в дом.

— Видите? — спросила Раиса снизу.

— Вижу не всё.

— Может, сознание потеряла.

— Сейчас приедут.

Он сошёл с крыльца. От ответа, которого он не мог дать, Раисе было бы только хуже.

— Вы когда пришли?

— Минут двадцать после восьми. На телефоне было двадцать два, кажется, когда я уже её увидела. Я сразу стала звонить в сто двенадцать.

Раиса посмотрела на погасший экран.

— Мы же к половине девятого машину хотели. Я сначала Нине позвонила с дорожки, чтобы сумку брала. Потом подошла. Стучала. Ещё звонила.

— Внутрь не заходили?

— Нет. Дверь потянула — заперто. Потом увидела.

Она говорила без слёз, с усилием выдерживая порядок слов. Аркадий не стал просить её повторить всё ещё раз или искать сейчас время вызова в телефоне.

Издалека донёсся шум двигателя. Раиса повернулась к калитке слишком быстро, сумка соскользнула с плеча. Аркадий придержал ремень и отступил, освобождая дорожку.

Первой подошла машина скорой помощи. Николай Фомич шёл от перекрёстка рядом с водительской дверью, показывая колею. Пока медики поднимались к дому, на дороге остановились ещё две машины.

— Вход здесь, — сказал Аркадий.

Женщина с медицинской укладкой подошла к двери. Раиса стала объяснять, что звонила и видела лежащего человека. У неё спросили, кто ещё находился у дома, открывали ли дверь и есть ли сейчас у кого-нибудь ключ.

— У меня был, — ответила она. — Сегодня вернула хозяйке.

— Здесь есть кто-нибудь с ключом?

— У меня нет, — сказал Аркадий.

Спасатель осмотрел дверь. Полицейский, поднявшийся следом, включил камеру и спросил, что уже успели сделать. Аркадий слышал короткие ответы, но с того места, куда их попросили отойти, не видел замка.

Работали быстро. Один из медиков оставался у остеклённой части двери, остальные освободили место спасателям.

— Там сразу прихожая? — спросили Аркадия.

— Да. А в кухню из неё три ступени вверх.

Больше он ничего не добавил.

Пока дверь открывали, Раиса стояла рядом с ним. Скрежет инструмента оказался громче, чем он ожидал. Она вздрогнула и сказала:

— Завтра же замок менять.

Никто ей не ответил.

Дверь подалась. Медики вошли первыми; спасатель остался у косяка, придерживая створку. На короткое время Аркадий увидел освещённую стену, край деревянной вешалки, металлический крючок, блеснувший под лампой. Ниже лежал клетчатый шарф. Затем человек в куртке со светоотражающими полосами заслонил проём.

— Отойдите, пожалуйста, — сказал полицейский. — Здесь проход нужен.

Аркадий отвёл Раису к скамье под окном. Она не села.

Из дома доносились короткие вопросы, шорох раскрытой укладки. Аркадий различал отдельные слова, но не пытался складывать их в вывод. Сейчас внутри находились люди, которые могли сделать то, чего он не умел.

Раиса всё держала телефон. Экран погас, и она нажала боковую кнопку.

— Машину я не вызвала, — сказала она. — Думала, пока Нина одевается…

— Не надо сейчас.

— Я понимаю.

Через некоторое время на крыльцо вышла женщина из бригады скорой.

— Кто родственники Нины Павловны?

Раиса приподняла руку, словно её спросили на собрании, но тут же опустила.

— Я подруга. У неё племянница есть. Ольга.

— Телефон есть?

— Есть. Что с Ниной?

Ж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.